

ЖАК ПЁШЕ

МЕМУАРЫ

извлечённые из архивов
парижской полиции

Том III

Перевод с французского

Жак Пёше

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том III

<https://litres.ru/74613528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывалось за фасадами дворцов, театров и домов старого Парижа?

В третьем томе «Мемуаров, извлечённых из архивов парижской полиции» Жак Пёше раскрывает тайную сторону жизни Франции XVIII — начала XIX века. Перед читателем проходят королевские фавориты, полицейские осведомители, мошенники, дипломаты и обитатели парижского дна.

Дело об ожерелье Марии-Антуанетты, слежка за иностранными послами, тайное вскрытие писем, расследования придворных скандалов и борьба с запрещёнными книгами складываются в захватывающую хронику эпохи.

Основанная на подлинных полицейских документах, эта книга показывает, как работала тайная сторона государственной власти, какие секреты хранили полицейские архивы и насколько тесно переплетались преступления, политика и человеческие страсти.

Автор заметок Жак Пёше,

Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва

Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

Жак Пёше

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том III

**МЕМУАРЫ, ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ АРХИВОВ ПА-
РИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ**

Типография госпожи Портманн, улица дю Азар-Ришельё,
8.

**МЕМУАРЫ, ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ АРХИВОВ ПА-
РИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ**

Для истории нравов и полиции со времён Людовика XIV
до наших дней.

Ж. Пёше, архивист полиции.

ТОМ III

ПАРИЖ.

А. Левавассёр и К°, Биржевая площадь, 8.
1838.

Гарвардская университетская библиотека. Из библиотеки
графа Альфреда Буле де ла Мёрта. Приобретено в апреле
1927 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава XLVI. Воспоминания Ленуара о парижской поли-

Прежнее управление Парижем	2
О ложных слухах и известиях	10
О шпионаже прежней полиции	14
О пасквилях, сатирических песнях и их авторах	20
О донесениях полицейских чиновников	25
Об управлении игорными заведениями	30
О парижских зрелищах	32
О состоянии безопасности в Париже	38
О публичных приёмах в полиции	44
Об освещении улиц Парижа и его предместий	47
Соображения относительно нищенства	49
Заметка о свободных союзах	68
О привидениях и гадалках	74
Глава XLVII. Развращённость прежней полиции	79
Глава XLVIII. Луи Тиру де Крон	108
Глава XLIX. Выдача бежавшего заключённого	137
Выдача бежавшего заключённого	137
Глава XLIX. Нарушение тайны почтовой переписки	147
Глава L. Хроника полицейских дел	162
Хроника фактов до и после революции	162
Бонапарт. — Ожеро	163
Надзор за театрами	171
Конфискация «Истории революции»	176
«Кладбище Мадлен». Реньо-Варен	182
Малые любительские театры	187

Дело барона де Венцеля, или Вензеля	192
Политический шпионаж. Меттерних и другие	196
Дело господина Мальтебрена	204
Гадалка госпожа Юар и императрица Жозефина	211
Капрал Лоре. — Публичные женщины	217
«Арсенал Жюстины», изъятый у некой Адам	223
Состояние проституции в Париже (1818)	229
Выдворение публичных женщин из Версаля	231
Гибель воздухоплавательницы госпожи Бланшар	241
Глава LI. Рукописные парижские новости	243
Глава LII. Две истории	260
Издательское объявление	286

ГЛАВА XLVI

Исторические воспоминания и заметки о парижской полиции, написанные г. Ленуаром в 1802 году. — Обстоятельства, побудившие г. Ленуара написать эти воспоминания. — Прежнее управление Парижем. — О шпионаже прежней полиции. — Надзор за пасквилями, сатирическими песнями и их авторами. — Действия полиции в отношении ложных слухов и ложных известий. — Донесения полицейских чинов. — Публичные приёмы полиции. — Парижские зрелища и их отношение к полиции. — Об освещении Парижа. — Об управлении игорными заведениями. — О вольных домах. — О женщинах, предсказывающих судьбу. — Замечания о нынешнем состоянии безопасности в Париже (брюмер XIII го-

да). — Соображения о нищенстве.

По возвращении из эмиграции, во время своего уединения в Кроне, г. Ленуар занялся тем, что стал записывать заметки и воспоминания о полиции своего времени. В июле 1802 года он сообщил мне об этом труде; мои прежние обязанности администратора парижской полиции в 1789 и 1790 годах, начальника консультационного бюро, или особого совета при министре, в IV году и в течение части V года направили мои мысли к замыслу, который я осуществляю ныне. Г. Ленуар составлял тогда довольно беспорядочно, отрывочно, заметки, которые предстоит прочесть; они содержат ряд важных и характерных сведений и соображений; это отдельные статьи, без порядка и связи, но перемежающиеся фактами и историческими воспоминаниями, не лишёнными интереса. Я выбрал из всего этого нужное, устранив бесполезные материалы или повторения. Я полагал, что читатели с удовольствием и, быть может, с пользой для себя познакомятся с мнением человека, отличившегося на высоких должностях, о предметах сложных. Я сохранил некоторые из проектов и взглядов, принятия которых он желал бы добиться, но которые наша новая законодательная система отвергает как противоречащие гражданской свободе, которой мы обязаны революции (1).

(1) Эти документы находятся у нас: они написаны рукой г. Ленуара или снабжены его пометами и часто сопровождаются заметками, написанными рукой Ж. Пёше. (Примечание

издателя.)

Прежнее управление Парижем

Если обратиться к минувшим столетиям, должность губернатора Парижа была одной из самых высоких; её носитель был облечён весьма большой властью, а также множеством прав и прерогатив, не принадлежавших никакой другой должности или сану.

Но во времена, предшествовавшие революции, у него остались только почести и немного власти. Тогдашняя политика стремилась уравнивать полномочия, то уменьшая одни, то увеличивая другие. Несомненно, тем самым она хотела предупредить грозные злоупотребления и столкновения, порождаемые чрезмерной властью, так, чтобы всякая власть зависела от главы государства.

Губернатор Парижа имел собственную охрану, состоявшую приблизительно из пятидесяти человек. Эта охрана не имела иных видимых обязанностей, кроме сопровождения его во время празднеств и публичных церемоний и несения надзорной службы внутри его особняка; снаружи же, у ворот губернаторского особняка, днём и ночью стоял на часах солдат городской стражи.

Управление губернатора Парижа не распространялось за пределы города и его предместий. Управление Иль-де-Франсом начиналось непосредственно за заставами и границами столицы; но в так называемых королевских резиденциях, находившихся в пределах города, существовало столь-

ко же особых управлений: управление Тюильри, управление Люксембургского дворца и т. д.; существовали также военные управления Дома инвалидов, Арсенала, Бастилии и т. д.; управление Бастилией находилось также под властью министра Парижа и генерал-лейтенанта полиции; последнему одному, в качестве королевского комиссара и интенданта Парижа, представлялись отчёты и подробные сведения, касавшиеся внутреннего устройства этой государственной тюрьмы.

До революции столица не приравнивалась к укреплённому военному городу; там не знали должности коменданта крепости; войско из семи-восьми тысяч человек, состоявшее из полка Французской гвардии и двух рот Швейцарской гвардии, несло в ней лишь военную службу; оно размещалось в казармах, предназначенных для поддержания безопасности, и постоянно пребывало в городе; кроме того, оно несло наружную службу при жилище монарха и его семьи. Офицеры двух гвардейских полков, служивших при дворе, ежедневно являлись за приказами.

Эта гвардия совершала ночные патрули по городу и предместьям. Постепенно ей поручили поддерживать порядок в трёх главных театрах — Опере и двух Комедиях, Французской и Итальянской. Эта полицейская служба действовала в согласии с обычной полицией. Офицеры Французской гвардии, коннетаблии и полиции должны были ежедневно находиться там вместе; существуют распоряжения, касающиеся

полицейского надзора за театрами; среди них есть старые и новые; король давал по этому предмету особые указания.

Военные части, неизменно находившиеся под военным командованием, не составляли того, что обыкновенно называли обычной силой или общественной силой; последняя состояла главным образом из городской стражи, некогда образованной из рот горожан. Опыт показал, что эти роты скорее способны распространять беспорядок, нежели предотвращать его. Полки Французской и Швейцарской гвардии и даже отряды инвалидов рассматривались как чрезвычайная и вспомогательная сила, подчинявшаяся требованиям полиции и обязанная действовать под её руководством; но при любых обстоятельствах (и до 1776 года этот обычай соблюдался) требовался особый и прямой приказ короля.

До 1789 года в столице не размещались никакие другие линейные и пехотные части, кроме полка Французской гвардии и части Швейцарской гвардии. После упразднения мушкетёров, жандармов и шевалежёров единственной кавалерией оставалась кавалерия городской стражи.

В 1774 году появился первый и главный министр, г. де Морепа, чего не наблюдалось почти на всём протяжении царствования Людовика XV. Принцип единства действий правительства и полиции был тогда твёрдо установлен и проведён в жизнь; во время его министерства всё представлялось ему на рассмотрение и утверждение, неизменно от имени короля, вплоть до его смерти, последовавшей в 1781 году.

За этот промежуток времени в правительстве не было ни распрей, вызванных взаимным непониманием, ни столкновений между министрами и различными властями.

После г. де Морепа министерская власть оказалась разделённой; однако вплоть до начала революционных волнений не возникало ни затруднений, ни споров о полномочиях между губернатором Парижа (г. де Бриссаком, племянником и наследником г. де Морепа), полковниками Французской и Швейцарской гвардии и руководителями полиции.

Полковник полка Французской гвардии обладал в столице большей властью, нежели сам губернатор, хотя при дворе и в городе губернатор, разумеется, пользовался первенством.

Губернатор был главой городского корпуса и главой муниципальных корпораций; в этом качестве он обладал лишь почётными правами, правом представительства на высоком уровне и некоторыми другими преимуществами, носившими, однако, чисто материальный характер и оплачивавшимися из городских средств и доходов. Использование этих средств имело строго определённое назначение.

Права, обязанности и прерогативы губернатора Парижа и главнокомандующего всеми размещёнными в городе войсками ещё не были соединены, как ныне, в руках одной и той же власти.

Не следует ли рассматривать недавно назначенного губернатора (1) как лицо, наделённое полномочиями, связанными с управлением городом и общим военным командованием?

Не обладает ли он также правом власти, прежде принадлежавшим старейшине маршалов Франции, — решать некоторые военные дела, дела о ссорах и проступках военнослужащих, рассмотрение которых даже полиция должна передавать ему?

(1) Г. Ленуар писал в 1802 году. Последним губернатором Парижа был г. де Коссе де Бриссак, умерший в 1792 году. Во время революции должность губернатора Парижа оставалась незамещённой. Бонапарт восстановил её и назначил первым губернатором Иоахима Мюрата, умершего в 1815 году королём Неаполя.

Какой бы широтой полномочий ни была теперь наделена должность губернатора Парижа, не полагают, что она может господствовать над управлением парижской полиции и руководить им, ибо это управление, согласно принципу своего учреждения, должно составлять единое целое, получать поддержку от вышестоящих властей и пользоваться повиновением нижестоящих.

Его власть при старом порядке уравнивалась двумя силами, часто противостоявшими друг другу, — министерством и парламентом. Она была упорядочена и ограничена; её правила и пределы исходили от главы государства, который непосредственно отдавал свои приказания главному администратору или, в случае необходимости, передавал их ему через министров либо других посредников.

Должны возникать многочисленные непредвиденные об-

стоятельства, при которых префект полиции может получать приказания только от первого консула и отчитываться перед ним одним; таково было, при обстоятельствах более обычных, положение по отношению к королю должностного лица, ведавшего парижской полицией, с 1774 и 1776 годов вплоть до 1785 года включительно.

В мае 1775 года в Париже вспыхнул бунт; причиной послужила дороговизна хлеба. В первые же мгновения подавить его не удалось, потому что маршал де Бирон, несмотря на настояния генерал-лейтенанта полиции, отказался двинуть отряды своего полка под тем предлогом, что не имеет на то особого приказа короля (приказ был отправлен двумя днями позднее). По случаю этого бунта генерал-лейтенант полиции лишился должности; а несколько месяцев спустя (1), когда он был восстановлен на службе, он потребовал подписанных инструкций, которые должны были служить высшим приказом относительно службы обоих гвардейских полков, Французского и Швейцарского, на случай обычных или чрезвычайных требований, которые полиция впоследствии могла бы предъявить.

(1) См. в главе «Исторические заметки о генерал-лейтенантах полиции» то, что я сказал об увольнении г. Лемуара в 1775 году.

Эти инструкции составили с разъяснениями; они положили конец всем спорам. Должностное лицо не было обязано излагать свои мотивы, но обычно и не делало из них тайны,

если только того не требовали серьёзные обстоятельства. По делам меньшей важности оно обращалось к штабам; ещё чаще оно вызывало к себе офицеров или сержантов.

С согласия маршала де Бирона г. де Сартин распорядился поставить караул Французской гвардии возле дома директора пожарных насосов, находившегося на улице де ла Жюсьен. Этот караул имел приказ выступать по первому извещению своего директора. Преемник г. де Сартин (2) таким же образом добился учреждения двух караулов Французской гвардии: одного для предместья Сент-Антуан, другого для предместья Сен-Марсо, с намерением сдерживать жителей этих двух кварталов, считавшихся постоянными очагами народного возбуждения. Оба караула должны были выступать при первом известии о народном шуме; оказывать помощь городской страже, но развёртываться только под командованием военных властей. Адъютанты или сержанты, командовавшие этими караулами, получали часть своего жалованья из средств полиции и отчитывались как перед ней, так и перед своим штабом. Жалованье, денежные поощрения и награды составляли ежегодно около двадцати тысяч ливров; всё выплачивалось по распискам на основании распоряжений генерал-лейтенанта полиции.

(2) Г. Ленуар.

Другие инструкции, также подписанные королём, определяли порядок различных видов службы в Париже для линейных войск, роты городской стражи и рот горожан. Низшие

агенты, не имевшие никакой отличительной формы одежды, носили своего рода удостоверение, составленное в выражениях, согласованных со штабами полков Французской и Швейцарской гвардии; им нельзя было отказать в помощи и содействии.

Во время ночных патрулей офицеры и служащие полиции всегда имели поддержку сержантов обоих полков и новобранцев, находившихся в Париже. Полицейские офицеры отчитывались перед своим начальником; сержанты — перед своими непосредственными начальниками.

Всякий правонарушитель или злодей должен был быть задержан теми или другими. Если солдата, замеченного в нарушении порядка, задерживала городская стража или полиция, его передавали одному из офицеров или сержантов его части. Гражданское лицо, задержанное военным отрядом, таким же образом передавали городской страже или полиции.

Аббатство, военная тюрьма, находилось под особым дисциплинарным надзором полковника Французской гвардии; но порядок в этой тюрьме тем не менее подчинялся обычному правосудию.

Из-за неточности выражений часто смешивали то, что по существу относится к ведению высшей полиции, с тем, что составляет лишь предмет простой дисциплины; неверно истолкованные значения приводят к противоречиям и произвольным действиям: «Высшая полиция, обычная полиция, военная полиция, муниципальная полиция, полиция

безопасности, инспекционная полиция, полиция больших и малых дорог, полиция зданий, полиция национальных домов и т. д.». Под общим наименованием целое смешивается с частностями. Упускается из виду иерархия. Полиция в собственном смысле слова, то есть полиция префектуры, охватывает своей сетью все остальные; ничто не может быть изъято из её ведения; другие следует рассматривать только как её спутников.

Военная дисциплина не относится к её ведению, хотя в прежнее время к её обязанностям принадлежали жеребьёвка для набора парижского ополчения, ежемесячный смотр вербовщиков, утверждение обязательств о службе, визирование увольнительных свидетельств и т. д., а это означает, что некогда обычной полиции была поручена своего рода военная полиция.

Воинская часть не могла войти в дом без присутствия полицейского комиссара, даже если речь шла о проступке, совершённом военнослужащим.

Швейцарская гвардия в силу соглашений, заключённых с её страной, обладала большими привилегиями, чем Французская гвардия; тем не менее швейцарцы в точности следовали букве и духу полученных инструкций и не всегда ссылались на свои привилегии. У швейцарцев был собственный судья, которому они присваивали звание и титул великого судьи.

В 1778 году один швейцарский солдат, арестованный за

преступление, был передан полицией французским судам. Его штаб потребовал его выдачи; было лишь условлено, что судить преступника будут не как солдата, а как швейцарца. Вследствие этого к делу приложили увольнительное свидетельство, датированное задним числом.

Благодаря уступчивости полиции и хорошей дисциплине обоих полков получилось так, что военные части, от которых прежде приходилось ежедневно опасаться бесчинств, поддерживали в городе порядок и безопасность.

В 1778 году гвардейцы парижского губернатора во время публичного празднества, устроенного в Ратуше, нанесли тяжёлое оскорбление королевским телохранителям, которые подали жалобу. Генерал-лейтенант полиции по приказу короля провёл расследование и отправился к губернатору, который передал ему офицера, ответственного за это оскорбление.

В другой раз, когда губернаторское управление пожаловалось на то, что полицейский агент оскорбил одного из его гвардейцев, который, хотя и не был в тот момент одет в мундир цвета губернаторской ливреи, всё же заявил о своих правах и привилегиях, то же должностное лицо явилось к губернатору и попросило его назначить наказание, которое и было наложено на полицейского служащего.

Поддерживая таким образом это равновесие, различные власти пресекали все столкновения.

Действия полиции в отношении ложных слухов и

ЛОЖНЫХ ИЗВЕСТИЙ

Праздные люди имеют обыкновение распространять всякого рода толки, то со злым умыслом, то без всякого намерения; иногда они лишь повторяют, словно эхо, какое-нибудь подозрение, даже выдавая его за действительный факт; но эхо не всегда верно. Всякий слух, каков бы он ни был, однажды пущенный в обращение, по мере удаления от своего источника изменяется, разрастается и преувеличивается.

В первые спокойные годы царствования Людовика XVI не желали, чтобы полиция преследовала злоречие, вымышленные истории и происшествия, которые во все времена любят распространять в обществе. Принципом и волей г. де Морепа было предоставлять этим ничтожным вещам отмирать самим собой; ложные известия должны были со временем исчезать или поглощаться событиями более действительными.

Во время пребывания этого первого министра у власти никого не держали под стражей за дерзкие и клеветнические речи и даже за порочащие сочинения, за исключением Ленге и Пеллисери. (Приказ об аресте без суда в отношении первого был затребован от имени суда маршалов Франции; приказ против второго был вызван вмешательством г. Неккера.)

После смерти г. де Морепа Людовик XVI приказал генерал-лейтенанту полиции установить наблюдение за сочинителями и распространителями поношений и клеветы и подвергать их наказанию, представляя для этого еженедельные донесения; в кафе, театры и места собраний были посланы

эмиссары. Ему доносили речи и мнения всякого рода, а он передавал их парижскому министру, который должен был сообщать о них королевскому совету.

Министры более не следовали направлению, задаваемому первым министром. Одни, подобно покойному г. де Морепа, держались системы невмешательства, другие — системы строгости. Полицейские меры не имели никаких последствий; было лишь установлено, что большая часть злоречивых разговоров, ложных слухов и известий сочинялась придворными, которые велели распространять их из Версаля в Париж, где они вскоре преувеличивались и искажались.

Генерал-лейтенант полиции мог узнавать о придворных разговорах только через друзей, которых приобретал при дворе; ему следовало также заводить таких друзей в Париже.

Он редко поручал всем одну и ту же задачу по одному и тому же предмету. Такая совместная мера приносит мало пользы и часто порождает донесения, списанные одно с другого.

Подобные поручения предпочтительно возлагали на кандидатов на должности и сверхштатных служащих.

Парижская публика заметила, что шпионов стало больше, чем прежде; но поскольку никаких наказаний за этим не последовало, надежда на безнаказанность позволила каждому говорить совершенно свободно.

Несмотря на отсутствие доказательств и даже вопреки доказательствам обратного, существует великое множество

вымышленных историй, в которые публика по своей доверчивости никогда не перестаёт верить. Приведём один пример.

В 1777 году распространился слух, будто герцог де Фронсак, задумав похитить молодую особу, велел поджечь дом, в котором она жила со своей матерью. В полицию не поступало никакого донесения. Людовик XVI собственноручно написал генерал-лейтенанту полиции; он приказывал не жалеть никаких усилий для наказания либо преступления, либо клеветы.

Эту историю передавали из уст в уста; правда, в разных рассказах менялись упоминаемые лица и место происхождения, и разнообразие рассказов само по себе опровергало предполагаемый факт; потому расследование оказалось долгим. Полицейский магистрат допрашивал молодых особ и их матерей, которых называли поимённо. Всё было напрасно. Один человек накануне смерти велел позвать должностное лицо, чтобы признаться ему, что, возможно, именно он стал источником распространившегося слуха; в старой книге он прочёл рассказ о подобном насилии и не удержался от того, чтобы, охваченный гневом, сказать, что герцог де Фронсак вполне способен совершить такое. Предположение исказилось, переходя из уст в уста, и именно на основании подобных слухов рано или поздно пишут историю.

Случай, скорее чем многочисленные поиски, приводит таким образом к открытиям; но чаще всего усилия полиции

опровергнуть клевету лишь придают ей ещё больше правдоподобия.

Господа де Сартин и Ленуар, пытаясь узнать, что говорили об их управлении, последовательно прибегали к услугам двадцати штатных полицейских инспекторов; их донесения заключали в себе больше лести, нежели истины, и множество приукрашенных рассказов, основанных на слухах, имевших или не имевших под собой основания. Донесения тайных осведомителей должны были быть более правдивыми и заслуживать большего доверия. (Печатное сочинение под названием «Разоблачённое целомудрие духовенства» содержит лишь старые протоколы, обновлённые издателем Мануэлем, который не включил в него приписок.)

Знаменитый граф де Мирабо и Бриссо де Варвиль по отдельности привлекались полицией к составлению сочинений и бюллетеней и распространению их среди публики для опровержения ложных историй и анекдотов. Подозревали, что они сами сочиняли некоторые из них.

«Газетт де Франс» считалась скучной, потому что была правдивой. Когда появлялись хорошие известия, полиция тотчас посылала краткое изложение их существа в главные кафе и места собраний, чтобы основное содержание не успели так скоро исказить.

Легче отвлечь всеобщее внимание, нежели приковать его к чему-либо; это было одним из средств, которыми прежняя полиция с успехом пользовалась, чтобы свести на нет лож-

ные слухи и клеветнические разговоры. Не менее верно и то, что, когда публика догадывается, что среди неё расставлены шпионы, она становится ещё более падкой на злословие и клевету; только говорит о них за закрытыми дверями и умеет окружить себя тесным кругом (1).

(1) Об этой части заметок г. Лемуара можно было бы сказать многое; здесь изобилуют предубеждения и заблуждения. Не вынося никакого решения относительно слухов, распространявшихся о шевалье де Фронсак, несомненно, что сомнение в действительности оставшихся без наказания проступков принадлежит к числу тех хитроумных доводов, которые полиция имеет обыкновение при случае распространять, чтобы снабдить оружием своих защитников. В этой тактике нет ничего нового. Что касается деятелей революции, то г. Лемуар имел о них самое ложное представление. В данном случае его предрассудки делали его менее щепетильным, чем когда дело касалось поступков, приписываемых людям старого порядка. Ни Бриссо, ни Мирабо не получали поручений составлять эти мнимые бюллетени. Если бы подобный факт действительно имел место, он не заставил бы так долго ожидать своей огласки; ожесточённая ненависть двора или революции к таким людям воспользовалась бы им как могущественным средством их дискредитации и уничтожения. (Примечание Ж. Пёше.)

Об обычных и чрезвычайных средствах наблюдения, которыми пользовалась прежняя полиция. — О

шпионаже

Средства быстро узнавать о том, что происходило в Париже, до управления г. Беррье либо не были общеизвестны, либо плохо применялись на практике. Публика была вынуждена платить за возможность пользоваться преимуществами полицейского надзора. Г. Беррье первым добился того, чтобы на службу и на её постоянные и непредвиденные расходы были выделены средства, первоначально поступавшие из нескольких государственных касс.

С того времени бесплатность услуг начальника полиции привела к тому, что все жители стали обращаться к его управлению по многим делам, с которыми иначе обратились бы в судебные учреждения.

Те времена памятны многочисленными интригами и раздорами в парламентах, из-за которых потребовалось увеличить число письмоводителей, служащих и подчинённых при магистратуре, власть и средства которой только что расширились: на полицию легло бесконечное множество всяких частных дел и забот.

При г. Беррье была создана организация этой большой машины; при г. де Сартине колёса её начали двигаться. Он обзавёлся доверенными лицами и окружил себя преданными ему людьми. Все они подчинялись его власти, имели дело только с ним и зависели только от него. Г. де Морепа говорил, что, поскольку он принимает на себя всю ответственность, предоставленная ему в этом отношении свобода

усмотрения должна оставаться бесконтрольной.

При таком положении вещей всякий, кто, не будучи признан полицией, вздумал бы заниматься шпионажем, подверг бы себя суровому наказанию. Нищего за это заключали в Бисетр. Шпионы из хорошего общества оказывались разоблаченными и опозоренными.

Однако в местах пребывания двора существовали шпионы, которых обязан был содержать прево королевского двора. Существовали также как при дворе, так и в столице политические шпионы; ими пользовался министр иностранных дел, но он сообщал их список генерал-лейтенанту полиции, чтобы тот мог оказывать им поддержку или устанавливать за ними наблюдение. Наконец, в Париже имелись довольно многочисленные шпионы, привлекаемые по случаю, при особых обстоятельствах.

Настойчиво утверждали, будто прежняя полиция использовала для шпионажа бедных и несчастных кавалеров ордена Святого Людовика (1). Г. Лемуар заявляет, что пользовался услугами только одного офицера этого ордена. Он был холост и не имел состояния, однако жил в известном достатке. Ему давали только театральные билеты; о подслушанных разговорах он рассказывал своей любовнице, а та за сто ливров в год обыкновенно три раза в неделю собирала у себя на чай праздных людей, недовольных всем на свете, болтливых сочинителей и прочих прихлебателей, которые в таком множестве кишат на городских улицах. Эта женщина,

несколько склонная к галантным похождениям и весьма остроумная, осмотрительная и хитрая, прежде много вращалась в большом свете. Перед ней открывались двери самых знатных домов, где бывали интриганы, иностранцы, а также лица, слывшие способными влиять на общественное мнение. С её помощью удавалось узнавать разговоры и нравы Парижа; многие замыслы и интриги терпели неудачу.

(1) Поводом к распространению этого слуха послужила пенсия в тысячу ливров, которую г. Беррье распорядился выплачивать из полицейских средств некоему кавалеру де Муи, действительно бывшему плохим сочинителем и шпионом: с тех пор никто другой подобной пенсии не получал. (Примечание г. Ленуара.)

Полицейские инспекторы получали плату за свои действия из назначенных на это средств; собственных письмоводителей, режиссёров, помощников и наблюдателей они должны были оплачивать сами. Нынешняя организация людей этого разряда в виде единого корпуса и непосредственная выплата им жалованья из средств полиции, по сто франков в месяц, имеют свои неудобства. Меньше завися от офицеров охраны общественного порядка, эти люди, хотя и лучше дисциплинированы, менее заинтересованы в добросовестной службе: иерархическая связь уже не так крепка. Прежние инспекторы непрерывно занимались наблюдениями и розысками по различным подразделениям, в которых действовали их непосредственные начальники; поэтому при помощи гвар-

дии, публичной силы и ночных патрулей главные должностные лица полиции, руководимые одним генерал-лейтенантом полиции, были в состоянии поддерживать добрый порядок на улицах и в домах.

Каждый полицейский комиссар и инспектор был обязан тотчас известить генерал-лейтенанта полиции или распорядиться известить его обо всех происшествиях и несчастных случаях в своём квартале: он заслужил бы порицание, если бы кто-нибудь из его товарищей предупредил его. Весьма часто генерал-лейтенант полиции узнавал обо всём ещё раньше от лиц, получивших от него доходные места; непосредственно его извещали содержатели игорных заведений, некоторые женщины, державшие притоны разврата, устроители небольших представлений, находившихся под его прямой властью; сообщали ему сведения служащие полицейских учреждений, созданных им самим или его предшественниками; предприниматели и инспекторы по очистке и освещению Парижа; служащие, которых он назначал в торговых рядах и на общественных рынках, и так далее, и так далее. Издавна в прежней полиции, соблюдая по возможности полную тайну, пользовались услугами слуг, оставивших прежние места, и платили им из секретных расходов. И тогда было, и теперь, должно быть, нетрудно подкупить деньгами прислугу, работников и так далее, и так далее.

Подчинённые полицейских инспекторов часто прибегали к услугам проституток и посещавших их распутников, за-

пятнанных и опозоренных людей, которых называли беглецами из Бисетра; такой способ шпионажа применялся лишь против преступников, воров и убийц. Прежней полиции не раз приходилось расплачиваться за важные открытия освобождением из тюрьмы или больницы публичной женщины, именно такого вознаграждения требовали. Это приводило к удачным задержаниям. Такие средства, как и некоторые другие, меньше оскорбляют справедливость, чем доносы.

Служба полицейских комиссаров и инспекторов по надзору за гостиницами и меблированными комнатами, содержаниями постоялых дворов, приезжими и лицами без постоянного местожительства велась не с такой точностью, как ныне. До революции путешествовали, не заботясь о паспортах; поэтому была устроена своего рода особая полиция. Ведомство иностранных дел получало подробные сведения обо всех видных иностранцах, прибывавших в Париж и выезжавших из него, а также о причинах их поездки и об их поведении во время пребывания в городе.

Опыт доказал, что шпионов не должно быть ни слишком много, ни слишком мало и что они не должны пересекаться друг с другом, как бывает, когда на одной территории действует более одной полиции; тайные шпионы и шпионы, вращающиеся в обществе, по возможности не должны знать друг друга; нужно уметь привязать их к себе надеждой на крупное вознаграждение. Число и род шпионов, которых следует употреблять, должны определяться характером дел

и обстоятельств. Из числа светских шпионов господа де Сартин и Ленуар постоянно заботились иметь писателей и адвокатов — разряд людей, по виду более независимых, чем многие другие, но нуждающихся в деньгах и жадных до них; вечно мечущихся в поисках денег и потому легко, хотя и с опасностью, поддающихся подкупу, ибо тщеславие заставляет их без разбора разглашать всё, что им известно. Врачи и хирурги весьма ценны; их профессия позволяет им ежедневно посещать различные дома, где рассказывают новости, которые они затем распространяют. В их присутствии рассуждают и разговаривают без всякой сдержанности. Их донесения помогают узнать настроение общества и составить представление об общем мнении (1), что имеет особенную важность при возникновении нового правительства.

(1) Расспрашивать и разговорить тех, кому по роду их занятий приходилось иметь дело с генерал-лейтенантом полиции и отчитываться перед ним, — генеральных откупщиков, директоров откупов, застав, почтовых станций, перевозок, биржевых маклеров, цензоров и старшин книжной торговли и так далее, и так далее, — всё это давало множество способов хорошо осведомляться, умея правильно различать сведения. Таким способом будет легко пользоваться, когда все ремесленные и художественные профессии будут объединены в корпорации и поставлены префектом полиции под власть назначенных им старшин. (Примечание г. Ленуара.)

В ведомости ежегодных расходов прежней полиции затраты на шпионаж значатся только в сумме двадцати тысяч ливров. Если бы генерал-лейтенант полиции не мог, помимо этого, раздавать должности и награды, если бы он не имел права распоряжаться платежами, поступавшими от игорных заведений, если бы не располагал возможностью оказывать услуги или наказывать, он никогда не сумел бы удовлетворить потребности столь большого числа шпионов.

Начиная со времени г. де Сартин появился особый род дел, основанных на доверии; при несчастьях, слабостях и правонарушениях частные лица и семьи приходили к нему с признаниями, не прибегая к судебному разбирательству; разрешение таких дел они вверяли его благоразумию, осмотрительности и советам; он указывал средства и принимал решения. Речь шла о соблазнённых девушках, тайных родах, дуэлях, самоубийствах, покушениях на преступления и так далее, и так далее. Господа де Сартин и Ленуар, благодаря различным таким доверительным отношениям, оказали немало услуг и сумели приобрести людей, обязанных им признательностью, которая иногда доставляла им сведения, полезные для общественного блага.

Это позволяет понять, каким образом, несмотря на незначительность расходов, полицейский персонал был довольно многочислен (1).

(1) Этот отрывок заметок обнаруживает глубокую язву, которую будет чрезвычайно трудно исцелить. Это цинизм

подавления, противопоставленный цинизму нравов, — два порока, соответствующих друг другу. (Примечание Ж. Пёше.)

Об управлении прежней полиции в отношении пасквилей, злых сатир и песен и о наказании виновных авторов, нарушителей, сообщников и сторонников

Быть может, именно большая редкость остроумных словечек способствует их более быстрому распространению; каждый спешит в свою очередь повторить их людям, которые их ещё не знают.

Остроты, эпиграммы и сатиры всегда веселили французский народ, и в особенности парижан, главным образом тогда, когда их предметом становился какой-нибудь замечательный человек, выделявшийся из толпы своим положением или талантом. На всякого, кто привлекает к себе внимание, всегда найдётся десять тысяч стрел.

Между первыми годами царствования Людовика XVI, когда управлял г. де Морепа, и годами, последовавшими за смертью этого министра, когда господа де Верженн, де Миромениль, де Бриенн и Неккер последовательно пользовались властью, отмечали большое различие. В первые годы появлялось меньше памфлетов и пасквилей, чем в последующие.

Трое последних министров выказывали необыкновенное усердие в том, чтобы разыскивать и подвергать преследова-

нию сочинителей памфлетов и их разносчиков, тогда как г. де Морепа, бывший философом без стольких претензий на это звание, сам весело распевал песни, которые позволяли себе складывать против него. «Таково было, — говорил он, — и таково будет во все времена занятие и возмездие: распространение этих безделиц придаёт значение парижским бездельникам, этому кишашему скопищу». Он называл весьма мудрым с политической точки зрения ответ канцлера де Поншартрена, на которого обрушили самую язвительную сатиру. «Не будем обращать на это внимания! Чем упорнее противятся нападкам, тем сильнее они становятся».

Господин канцлер Мопу, осыпаемый памфлетами и пасквиями в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах, нанимал писателей, чтобы защищать свои действия и порицать поведение парламентов. Люди, которым он платил, сами поддерживали спор и отвечали друг другу, чтобы иметь повод отвечать снова. Не было уже никакой причины положить этому конец; он прекратил эту возню, сказав: «Это не кусает и не убивает».

В 1781 или 1782 году отправили в изгнание нескольких лиц, объединившихся для сочинения и распространения скандальных произведений; полиция захватила их рукописи и печатные станки. Она просила министра предать их уголовному суду; тот ответил, что законы по этому предмету весьма суровы и что ведётся работа над тем, чтобы сделать эту часть законодательства более терпимой. Изгнанники поселились в Англии и Голландии. Оттуда, действительно

пользуясь большей безнаказанностью, они распространяли и тайно провозили самые дурные книги на свете. Прежде эти бедняги были только скучны, теперь они сделались невыносимы.

В то время французский посол в Англии тайно сообщил, что французские эмигранты печатают в Лондоне ужасный пасквиль против короля, королевы и двора. Французское министерство отправило переговорщика, которому щедро заплатило за то, чтобы он приобрёл весь тираж этого жалкого сочинения. Эта дрянь, которая не нашла бы ни малейшего сбыта, была бережно помещена в Бастилию (1).

(1) После взятия Бастилии множество экземпляров этого сочинения продавалось в лавках Пале-Рояля и на набережных.

Подобные средства только умножили число сочинений, выходивших из иностранных типографий.

В Бастилию на некоторое время сажали на замок наёмников, бравшихся за сочинение этих пасквилей; так надеялись обнаружить их авторов; это было ещё одной ошибкой. Подобные голодранцы нисколько не боялись этой крепости; там их хорошо кормили и хорошо с ними обращались. Они кичились таким заключением и величали себя мучениками. Полиция велела отправить в Бисетр некоторых из этих молодчиков, вновь пойманных за прежним занятием; унижение произвело на них более сильное впечатление, но и это средство было ничуть не лучше.

Остроумцы из полиции заботились о составлении сборников стихотворений, песен и эпиграмм. Собрания этой сатирической хроники хранились в одном из отделений управления. Многие люди проявляли любопытство к собиранию подобных произведений и разыскивали их для своих библиотек.

Как вовремя обнаружить первых авторов этих злых песенок, которые можно в два счёта запомнить, даже не записывая? Нередко случается и так, что автор первого куплета не бывает автором второго: импровизация разрастается, словно снежный ком.

Бомарше, заключённый в Сен-Лазар за одну из тех глупостей, какие он умел совершать, более остроумных, нежели литературных, признал себя автором некоторых подобных произведений; но, когда речь зашла о скверной песне, исполненной на ужине, который он давал в самый день своего ареста, он заявил, что сочинил только первый куплет, а остальные принадлежали его гостям. «Ей-богу! — сказал он, — Сен-Лазар достаточно доказывает, что я болван, раз завёл всю эту компанию; но я не желаю прослыть прокл... дураком».

Авторское тщеславие может навести на след этих пустячных произведений; обыкновенно по прошествии некоторого времени, когда проходит страх, заставлявший автора молчать, этого удаётся добиться.

После царствования Людовика XV и изгнания канцлера

Мопу стало известно, что пасквили, тысячами извергавшиеся по случаю изгнания парламентов, были произведением общества корреспондентов, главными участниками которого являлись господа де Мальзерб, де Ламуаньон, де Миромениль, Буанден, Тарже, Леметр и Жабино (1). Истину искали слишком далеко.

(1) Нам известны люди, которые теперь желают приписать себе заслугу создания этих полных остроумия произведений. (Примечание Ж. Пёше.)

Г. де Калонн написал «Письма Карраччоли», «Почему», «Как», «Криспен при дворе» и тому подобные сатирические произведения против г. Неккера и г. де Миромениля. Волки пожирают друг друга.

Господа де Монтескью, де Креки, де Шансене и другие придворные, совместно с Бомарше, Шамфором и многими писателями, ещё здравствующими, сочиняли пасквили против королевы, против министров и даже против тех министров, у которых состояли на службе. Более чем вероятно, что Бомарше сочинил и привёз в Лондон для напечатания пасквиль под названием «Любовные похождения Шарло и Туанетты», изданный с непристойными гравюрами. Генерал-лейтенанты полиции располагали в отношении этих правонарушений только предположениями.

В 1783 году г. де Верженн приказал арестовать одного составителя известий, которому прежде покровительствовал. Рукописные известия пересылали за границу; в ведомстве

иностранных дел их просматривали и исправляли. В копию одного из таких известий, адресованного императрице-матери, были добавлены бесстыдные стихи против королевы, её дочери. Министр велел заключить своего любимца в Бастилию. Чтобы оправдаться в тайной вставке, этот человек утверждал, что совершить подобную низость мог лишь один из письмоводителей. Во время обыска стихотворение обнаружили в ящике стола. Неверного служащего захватить не удалось: он уже успел скрыться.

Быть может, соблюдая более строгие пределы законности, удалось бы остановить эту заразу памфлетов. Беда состояла в том, что с их сочинителями расправлялись посредством чрезвычайных государственных мер, ибо вслед за тем они принимали облик героев. Насколько мало Бастилии боялись придворные и писатели, настолько сильно Бисетра страшились простолюдины. Между тем чернь запирали в Бастилии, вместо того чтобы отправлять её в Бисетр, а дворяне оставались на свободе. Это не было способом обесценить торговлю трусливыми оскорблениями и пошлыми низостями, которые иногда приправляли остроумием, но редко: злословить никогда не бывает трудно.

О донесениях полицейских чиновников

Со времени управления г. Беррье корпус сорока восьми полицейских комиссаров состоял из людей способных и образованных; почти все они изучали право и работали в хороших адвокатских конторах; сумма, которую приходилось

уплачивать за приобретение их должности, доходила до 100 000 ливров.

Из числа сорока восьми комиссаров только двадцати четырёх особо поручалось приводить в исполнение королевские приказания, так называемые *lettres de cachet*; кроме того, в их ведении находились определённые отрасли, как-то: торговые ряды и общественные рынки, зрелища, игорные заведения, иностранцы, Биржа, Мон-де-Пьете, ссудные кассы под залог вещей, наёмные кормилицы и так далее, и так далее, и так далее.

Город Париж был разделён на шестнадцать кварталов; в каждом квартале имелось по три комиссара. Право старшинства принадлежало одному из этих трёх комиссаров. Шестнадцать старших комиссаров были людьми отборными, достойными служить примером.

Должности полицейских инспекторов, равно как и комиссаров, пользовались большим спросом в годы, предшествовавшие революции. Инспекторы находились под властью генерал-лейтенанта полиции и отчитывались перед ним одним.

Каждому комиссару и каждому инспектору передавали то, что называлось квартальными делами; они заключались в ссорах и спорах маловажного свойства, но именно поэтому случавшихся тем чаще, которые инспектор улаживал примирением сторон или которые, если примирение не удавалось, поступали к старшему комиссару.

Генерал-лейтенант полиции на каждом из приёмов, которые он проводил дважды в неделю, получал таким путём около сотни прошений, благодаря которым комиссары и инспекторы приобретали знание характеров, нравов, нужд и интересов почти всех жителей своих кварталов. О степени их влияния можно судить, если принять во внимание, что каждый из округов заметно отличается от других занятиями, а можно сказать, и народностями своих обитателей. Каждая провинция имеет в столице своих особых представителей различных сословий и своё преимущественное место поселения. Это не меняется ни в какую эпоху; люди проходят, а статистические соотношения остаются; равновесие сохраняется. Это было как бы само королевство, уменьшенное в масштабе и собранное по образцам на пространстве окружностью около восьми лье.

Таким образом, эти шестнадцать человек были своего рода губернаторами провинций в миниатюре, вследствие чего для ведения дел возникала известная необходимость сохранять их на должностях, поскольку они знали характерные привычки находившихся в их ведении жителей.

Донесения составлялись на листе, содержавшем жалобу. Эти донесения снабжались собственноручными резолюциями полицейского магистрата; резолюция указывала принятое им решение и распоряжение направить весь материал в отделения, которым надлежало исполнить дело.

Такой порядок обеспечивал одновременно стройность и

быстроту; тридцати или сорока служащих было достаточно.

Г. де Сартин собственноручно помечал донесения, которые считал ложными и подозрительными. Их поручали проверять вышедшим в отставку комиссарам и старым опытным полицейским инспекторам, а иногда и сверхштатным служащим; в делах щекотливых выходили за пределы этого круга, обращаясь к людям осмотнительным и почтенным.

Донесения о распутном поведении и любовных похождений, во все времена весьма многочисленные, составлялись со слов распутников; обыкновенно в их основе лежали нескромность и преувеличение. Не одну женщину опозорили хвастливые рассказы, авторы которых впоследствии сами признавали свою дерзость. Разговоры во многих обществах изобиловали любовными историями. Было странно, доходя до их первоисточника, обнаруживать, что воображение старинных писателей, например рассказы Боккаччо и Лафонтена, уступало самой действительности. Никогда нельзя будет сказать всей правды о нравах страны, не обратившись к этим кипам бумаг, где сальные историйки, бесстыдные плутни, дерзкие выходки распутников и распутниц непрестанно следуют одна за другой и повторяются, с переходами и противопоставлениями от трагического к комическому, на неизменной канве с новыми, бесконечными узорами. Среди заметок г. де Сартина нашли донесение об исходе пари, заключённого ради исследования нравов примерно пятидесяти супружеских пар, которых один из споривших по собственно-

му желанию и усмотрению избрал как образцы высокого супружеского благочестия; ни одна из этих семей не осталась незатронутой; отвратительное, смешное, страшное и горестное составляли содержание добытых сведений. Некоторые заметки содержали лишь слово «преувеличение», и исправления на полях, несомненно, были вовсе не способны утешить того, кто поручился за целомудрие этих супругов или за их домашнее счастье.

Донесения об иностранцах содержали причины их пребывания в Париже; это направление поручалось лишь тому инспектору, в котором магистрат усматривал качества, необходимые для исполнения столь трудных обязанностей. Он должен был уметь достойно держать себя, соблюдать все приличия и искусно выражаться изысканным языком. Старались не выбирать литераторов, слишком поглощённых самими собой, чтобы уметь наблюдать. Неудобства такого выбора уже были испытаны. Светские люди были предпочтительнее, и им следовало отдавать предпочтение. Еженедельно министрам отправляли осведомительные записки по этой части, сведения в которых постоянно поддерживались в надлежащем состоянии. Эти записки содержали рассказы, которые ловкий посредник получал от самих послов, втираясь к ним в доверие.

Донесения об азартных играх, ростовщических займах и расстроенных делах молодых людей из хороших семей носили скорее печать умолчания, нежели точности; игроки, мо-

шенники, биржевые спекулянты и развратники хитрее шпионов.

Нам довелось видеть донесение шпиона, жаловавшегося, что всё его жалованье было проиграно за игорным столом и отобрано любовником его жены; он просил избавить его от негодайки, засадив её в Сальпетриер.

Донесения, касавшиеся общественной безопасности, должны были сопровождаться доказательствами, которые можно было предъявить открыто; дела такого рода почти всегда передавались в суды.

Донесения о снабжении продовольствием проверялись посредством сопоставления ведомостей торговых рядов и рынков с книгами оптовых торговцев; сведения директоров и сборщиков пошлин на въездах в Париж проверялись по отчётам генерал-лейтенанта полиции, исполнявшего обязанности интенданта Парижа, представленным совместно с другими интендантами провинций, а сверх того — посредством сношений крупных парижских купцов с купцами иностранных государств. Эта отрасль, считавшаяся важнейшей, поручалась самому достойному из сорока восьми комиссаров.

По крайней мере, благодаря этому точно узнавали о подлогах и фальсификациях и об их размерах в сопоставлении с естественными продуктами; неудобство, за которым постоянно наблюдали и которое постоянно сохранялось.

Ежегодно составляли список шарлатанов, мошенников, актрис, содержанок, их любовников и развратников, посе-

щавших публичные дома; отмечали также мужчин, запятнанных пороком педерастии или подозреваемых в нём. Эти списки, снабжённые примечаниями, указывали степень доверия, которую можно было им оказывать.

Педерастов причисляли к ворам и мошенникам, поскольку в низших слоях народа, более других подверженных заключению в тюрьму вследствие нищеты и презрения, составляющих их постоянный удел, мелкие воры и мошенники обычно предавались этому постыдному распутству; лишение женщин в тюрьмах, кроме того, порождало эти бесчинства, при которых сильные насиловали слабых, бродяги в расцвете лет — бродяг-подростков и детей; обстоятельство неизбежное всюду, где будут существовать тюрьмы, которые устроены не для того, чтобы обеспечивать удобства злодеям; потому они выходят оттуда в десять раз более опозоренными и развращёнными. Двадцать пять лет назад палаты Бисетра были местами самого ужасного разврата; это стало одной из причин, побудивших тогдашнего генерал-лейтенанта полиции учредить в этой больнице работы, которые нынешняя полиция благоразумно расширила.

Об управлении игорными заведениями

Законы и полицейские постановления, запрещающие азартные игры, никогда не могут исполняться в Париже; тому всегда обнаруживались две причины: суровые предписания удавалось легко обходить, а страсть к игре, усиливающаяся с возрастом, не уступает ни угрозам, ни увещаниям;

она властвует над теми, кто ею охвачен и кто находит способы удовлетворять её тем более изобретательные, что законодатели, не считающиеся с непреодолимой силой склонностей, не обладают чутьём, необходимым для измышления достаточных мер пресечения или нужных развлечений. Дело в том, что насильственные преследования вызывали драки и побоища, когда принимались отбирать у игроков кости, карты и деньги.

Быть может, худших последствий удалось избежать учреждением общественного управления игорными заведениями, поскольку полиция таким образом получила больше возможностей наблюдать за ними, устанавливая в них порядок, узнавать людей и тем самым предупреждать большее число бесчинств и преступлений, совершавшихся в домах, которые называли разбойничьими притонами, и в других заведениях, куда полиция не имела доступа ввиду их привилегий.

Два или три раза между 1774 и 1790 годами Парижский парламент выносил, но тщетно, постановления против запрещённых игр; на очень короткое время в игорных заведениях и других публичных домах прекращали в них играть, но продолжали играть при дворе, у знатных особ, в привилегированных домах и в некоторых игорных притонах, которым удавалось на какое-то время оставаться неизвестными и которые перемещались то по городу, то по окрестностям. Тогдашние министры, в особенности г. де Мальзерб, и главные члены парламента в конце концов пришли к заключе-

нию, что в отношении азартных игр особое и прямое дозволение при весьма деятельном надзоре лучше запрета, не имеющего никакого действия, тем более что государство извлекало из этого известную выгоду и допускало такое устройство игры, при котором определённое число шансов обеспечивало львиную долю игорным домам, — два обстоятельства, всегда ослаблявшие в глазах общества убедительность этого рассуждения.

Генерал-лейтенант полиции всегда мог по своему усмотрению выбирать лиц, которым разрешалось содержать игорные заведения, и распоряжаться получаемыми от этого сборами.

Если иногда его выбор падал на людей, пользовавшихся покровительством, они неизменно держались (ибо это было в их интересах) так, чтобы не давать повода к крупным скандалам, и неизменно должны были представлять полиции сведения, позволявшие ей узнавать всё, что ей важно было знать в интересах доброго порядка и безопасности. Здесь можно было бы привести немало примеров, и не потому, что не бывало злоупотреблений или что иногда не возникали беспорядки, но полиция, будучи лучше осведомлена, могла быстрее их подавлять.

Что касается использования сборов с азартных игр, то большая часть этих расходов была известна публике; общая сумма таких поступлений даже в самый доходный год никогда не превышала 400 000 ливров. Имелись банкиры, до-

веренные полиции; не припоминается, чтобы кто-нибудь из них когда-либо давал основание для обоснованной жалобы. Они передавали полиции либо установленную сумму, либо сумму, соразмерную прибыли. Полученные таким образом деньги хранились в особой кассе, независимой от касс полицейского казначея; доходы от них пошли на учреждение, содержание и расходы больницы для страдающих венерическими болезнями, первоначально находившейся в Вожираре; на учреждение склада или магазина материалов для прядения, которые под наблюдением приходских священников раздавали беднякам их приходов; на учреждение благотворительных работ в Бисетре и вообще на оказание помощи нуждающимся и несчастным. Только в последнем отношении расходование средств должно было оставаться тайным; но кассир каждый месяц без каких-либо пропусков или умолчаний представлял генерал-лейтенанту полиции отчёты о поступлениях и расходах этого рода. Тот просматривал и утверждал их; он представил бы их министру, в ведении которого находился Париж, если бы тот потребовал, чего, однако, никогда не случалось.

Министры и магистраты парламента (иногда королева и другие принцессы) обращались к генерал-лейтенанту полиции и указывали ему лиц и семьи, заслуживавшие помощи и облегчения их участи.

О парижских зрелищах

Примерно до середины царствования Людовика XV над-

зор за всеми зрелищными заведениями находился в руках генерал-лейтенанта полиции. Тогда внутреннюю и наружную охрану Оперы, Французской и Итальянской комедий поручили гвардейскому полку вместо городской стражи, состоявшей из горожан, и отряда «короткой мантии» — дурных войск, которые не внушали достаточного почтения, чтобы поддерживать там надлежащий порядок. Французская гвардия, хорошо управляемая и дисциплинированная, без труда сумела положить конец большей части беспорядков, происходивших там прежде.

В эту эпоху дворяне королевской палаты присвоили себе значительную власть над управлением обеими комедиями и над актёрами, которых публика всё ещё называла труппами комедиантов. Последние, гордившиеся тем, что ими командуют могущественные сеньоры (о чём им вскоре пришлось пожалеть), старались, насколько могли, освободиться от власти и даже от надзора полиции; стремление, которое всегда будет свойственно артистам.

Актёры Французской комедии украсили себя званием «ординарных комедиантов короля», наименование, которым они не могли пользоваться в столице, где государь уже несколько столетий не жил, и которого они не могли иметь перед публикой, платившей деньги при входе в театр. Слово прижилось; сочли, что удастся утвердить и самое положение. Так совершаются мелкие захваты чужих прав. На прежних афишах значилось: «Французские комедианты, итальянские

комедианты дадут» и так далее, и так далее. Они должны были во время антракта объявлять зрителям пьесы, которые представят на следующий день и в последующие дни. Им удалось отказаться от этого старинного обычая или обязанности, равно как и от нескольких других обычаев, которым они долгое время подчинялись перед публикой и парижской полицией. Полиция позволила им поступать таким образом.

Каждую субботу они должны были приносить репертуар пьес, назначенных на дни следующей недели, подписанный дежурным актёром, и предупреждать полицию о переменах, которые могла вызвать болезнь кого-нибудь из исполнителей. За небрежность дежурный подлежал наказанию; все наказания, которым могли подвергнуться актёры и актрисы, назначались полицейским магистратом и от его имени. Дворяне королевской палаты, когда речь шла о снисхождении или жалобе, были обязаны обращаться к этому магистрату.

В 1781 году, когда актёры Французской комедии перебрались в Одеон, дворянин королевской палаты (маршал де Дюрас) пожелал присвоить себе право повысить цены на места и уменьшить четверть выручки, причитающуюся бедным; публика жаловалась на актёров; больницы встревожились; генерал-лейтенант не уступил ему ни в одном, ни в другом из этих притязаний; он издал полицейское постановление о ценах на все различные ложи и места; приказал напечатать и расклеить его; созвал собрание администраторов Генерального госпиталя, одним из руководителей которого состоял, и

вскоре после того получил от актёров Французской комедии согласие на установленный взнос; об этом доложили управлению попечения о бедных, всё уладилось, но наступил было момент кризиса. Итальянские актёры были менее беспокойны, нежели актёры короля.

Не забыто возмущение, поднявшееся по случаю заключения девицы Клерон в тюрьму по приказу г. Беррье. В 1779 году девицу Люси отправили в Фор-л'Эвек за то, что она пропела куплет, вычеркнутый полицейским цензором. В 1780 году Ларив и Флоранс также были наказаны полицией за драку. Публика в партере попеременно одобряла и осуждала эти проявления строгости, смотря по тому, было ли в тот момент у актёров и особенно у актрис больше или меньше сторонников; но, поскольку театральные залы охранялись военной силой, эти мелкие беспорядки никогда не доходили до того, чтобы под предлогом свободы всё разбивать.

Полицейский магистрат не обладал столь же большой властью над Оперой — видом зрелища, соединяющим множество искусств сразу и потому менее склонным питать раздоры и борьбу между кружками. Опера находилась в ведении одного из министров; руководство ею поручали то городскому управлению, прево купцов и эшевенам, то отдельным директорам или антрепренёрам.

Полицейский магистрат обладал полной властью над театрами ярмарок Сен-Жермен и Сен-Лоран и над зрелищами на бульварах, считавшимися ярмарочными. Директорам

или антрепренёрам небольших бульварных театров первоначально предписывалось прекращать свои представления на бульварах в месяцы, отведённые для пользования привилегиями, предоставленными бенедиктинцам Сен-Жермен-де-Пре и конгрегации Сен-Лазар для ярмарок предместий Сен-Жермен и Сен-Лоран.

Поскольку учреждение трёх небольших театров способствовало упадку театров или подмостков, сооружавшихся внутри огороженных и привилегированных мест, пришлось, чтобы удовлетворить публику, отказаться от принуждения директоров этих театров к переезду, повторявшемуся дважды в год.

Это придало им ещё большую популярность; их стали весьма усердно посещать, как и место прогулок в этой части Парижа, сильно украсившейся и весьма оживлённой торговлей. Было разрешено иметь до пяти таких театров вместо трёх, сколько их существовало прежде, не считая парадов.

Все сословия жителей Парижа устремлялись туда толпами, предпочитая эти театры Французской и Итальянской комедиям: чтобы избежать давки и смешения публики, пришлось разрешить два представления, одно днём, другое ночью. Последнее, породив скандал, было отменено.

Приблизительно в эту пору Опера, построенная в Палле-Рояле, сгорела; вскоре после этого на бульваре у ворот Сен-Мартен воздвиглось для Оперы здание, которое ещё и сегодня служит театральным залом.

Три больших театра, проникшись завистью к маленьким и выдвинув притязания в силу своих привилегий, добились того, что последние были обязаны участвовать в расходах Оперы и вынуждены представлять актёрам Французской и Итальянской комедий свои новые пьесы прежде, чем могли ставить их у себя. Видно, через какие инстанции и какие унижения приходилось проходить авторам, прежде чем публика получала возможность освистать их; но самолюбие не отступает ни перед каким оскорблением; оно бросает вызов унижениям: в этом его стихия.

Актёры Французской комедии велели напечатать записки против многочисленности, против злоупотреблений и против свободы небольших парижских театров; к ним присоединились некоторые моралисты, утверждавшие, что народу нужны только *panem et circenses*, что было непоследовательностью; но им платили за непоследовательность, и они оставались верны правилу брать со всех сторон. Актёры Французской комедии начали судебный процесс; когда же публика высказалась против них и стала их нещадно осмеивать, они оказали любезность согласиться на то, чему не могли воспрепятствовать.

Полиция приказала установить насосы внутри всех театров, больших и малых; на время представлений расставляли пожарных. Четверть театральной выручки, взимавшаяся в пользу бедных, всегда уплачивалась директорами и антрепренёрами небольших театров более аккуратно, чем Ко-

ролевской академией музыки, Французской комедией, Опера-комик и Итальянской комедией.

Ежегодно магистрат утверждал список лиц, которые должны были иметь право бесплатного входа в небольшие театры; также ежегодно министр, ведавший Парижем, утверждал список агентов, которые должны были иметь право входа в Оперу; к актёрам Французской и Итальянской комедий направляли комиссаров и генеральных инспекторов, назначенных следить за порядком совместно с офицерами Французской гвардии и коннетаблии.

Когда имелся хотя бы малейший повод опасаться какого-нибудь возмущения со стороны партера в комедийных театрах, сверх обычного порядка там размещали сержантов и капралов в мундире, но без оружия, помимо вооружённых солдат, поставленных часовыми в различных местах партера и в коридорах лож: сержанты и адъютанты регулярно являлись к магистрату с донесениями.

Говорили, что полиция платила доверенным людям за аплодисменты или свист; но уже очень давно зрители более не осмеливались свистеть; она не платила за аплодисменты ни королеве, ни принцам, когда они появлялись в театрах; она только раздавала доверенным лицам билеты, которые покупала и которыми располагала. Можно вызвать аплодисменты и побудить к ним; но, что бы ни предпринималось, нельзя ими повелевать и не всегда удаётся их получить. Публика хлопает в ладоши, улюлюкает или выражает неодобрение

молчанием в зависимости от обстоятельств и положения дел. Парижская публика в этом отношении всегда одинакова и всегда будет оставаться такою, во все времена весьма недисциплинированную, способною поддаться совершенно иному побуждению, нежели то, которое ей внушают, и возмутиться против собственных расположений, если слишком ясно заметит, что ею управляют.

Замечания о нынешнем состоянии безопасности в Париже и о причинах, которые могут её восстановить, укрепить или ослабить (1)

Не всегда увеличением числа частей механизма добиваются его лучшей работы; гораздо вернее этого достигают устройством простого, правильного, должным образом ступенчатого целого.

Преступления и проступки, в число которых не включают государственных преступлений, встречаются теперь в Париже чаще, нежели пятнадцать лет назад (2). Желательно было бы, чтобы безопасность повсюду устанавливалась по единообразному плану; но чем обширнее территория, на которую распространяется власть, тем более ослабевает её действие при движении от центра к окружности.

(1) Дубликат этой записки был отправлен г. Лемуаром министру внутренних дел.

(2) Можно смело усомниться в точности этого утверждения г. Лемуара. Число преступлений и проступков может теперь казаться более значительным потому, что дела, приго-

воры, судебные действия, события предаются гласности газетами; во времена г. Лемуара этого не было, и, сверх того, большое число виновных, преданных суду, изымалось из ведения правосудия и заключалось в тюрьму по приказам короля или по *lettres de cachet*. Читатель должен помнить сказанное мною выше: я весьма далёк от того, чтобы разделять все мнения г. Лемуара; однако переписываю его заметки такими, какими он мне их передал. (Примечание Ж. Пёше.)

Существуют различные причины, поддерживающие беспорядок; одни из них общие, другие свойственны отправлению полицейской службы в Париже: разобщённость умов, бедность, дурные приёмы и расчёты гражданских должностных лиц при совершении процессуальных действий и расследований преступлений и проступков, а также в отношении тех, кто в них обвиняется; бессилие уголовных законов, над которыми преступники насмеваются, и так далее. Пока эти причины, общие всем департаментам, будут существовать, нельзя льстить себя надеждою на полную и совершенную безопасность ни в Париже, ни в других городах и областях Франции.

При старом порядке всякий задержанный правонарушитель, всякий арестованный подозреваемый должен был немедленно предстать перед комиссаром юстиции и полиции, который, сообразно требованиям дела, постановлял заключить его в тюрьму или освободить; если дело представляло затруднение, отличалось тяжестью или важностью об-

стоятельств, комиссар докладывал либо полицейскому магистрату, либо уголовному лейтенанту: весьма редко возникала необходимость такого доклада.

Приведение в исполнение внутреннего распорядка, установленного для государственных тюрем (Бастилии и Венсена), принадлежало, под единственной властью министра, ведавшего Парижем, одному только генерал-лейтенанту полиции в его качестве королевского комиссара; в силу звания полицейского магистрата ему принадлежало то же право в отношении тюрем отеля Ла-Форс, предназначенных исключительно для преступников и только для заключённых по распоряжению полиции, для должников, для лиц, задолжавших плату кормилицам, для нищих мужчин и женщин. Детей, не достигших половой зрелости и малолетних, а также стариков, достигших семидесятилетнего возраста (за исключением некоторых случаев), более не содержали ни в тюрьмах, ни в палатах Бисетра; слишком хорошо испытали, как продолжительное заключение и смешение заключённых в таких местах вскоре превращали детей в злых людей, воров, убийц и опасных преступников. Тюрьмы вообще почитались школами преступления.

Совершенно несомненно также, что торжественность судебных обрядов служит славной церемонией для большей части негодяев, которые храбро состязаются в остроумии и наглости на глазах у магистратов, к удовольствию любопытного простонародья, привлекаемого скандальностью

этих бесплатных зрелищ. Уловки защиты, нападки на законные основания, бахвальство в манерах и ответах вызывают порою заразительный смех и неистовые рукоплескания толпы начинающих мошенников, людей из общественных низов, склонных оправдывать зло, поскольку сами к нему причастны, и благодаря урокам, которые они извлекают из судебных заседаний, готовых отбросить последние угрызения совести, когда их одолевает нужда.

Все заявления о преступлениях, кражах и проступках, посягавших на безопасность жителей Парижа, принимались безвозмездно комиссарами юстиции и полиции и собирались инспекторами службы безопасности. Последние должны были согласовывать между собою свои действия.

Четыре чиновника службы безопасности могли взаимно заменять друг друга при исполнении своих обязанностей.

Один из этих четырёх инспекторов в сопровождении комиссара и под его начальством почти каждую ночь совершал обходы. Они должны были согласовывать свои действия с военными патрулями в различных кварталах города. Во время этих обходов им должны были помогать их подчинённые и исполнители судебных распоряжений. Один из военных должен был останавливаться перед каждой караульной в пределах осматриваемых мест, сообщать и получать сведения, необходимые в интересах безопасности. Сведения обо всех приговорах по уголовным делам, имевшиеся у полицейского магистрата, передавались чиновникам службы безопасности

ежегодно, а приметы лиц, объявленных в розыск за тяжкие преступления и ещё не задержанных, — ежедневно.

Никто не поступал в парижские тюрьмы, не подвергшись осмотру и проверке чиновником службы безопасности.

В 1780 году преследование нищих, прежде поручавшееся другим лицам, было возложено на четырёх инспекторов службы безопасности. Они сумели отделять простых нищих, не представлявших опасности, от нищих, подозреваемых в связях с ворами, обосновавшимися в Париже. Простых нищих они использовали для наблюдения за бродягами, которые водились с ворами и обычно укрывались вместе с ними в предместьях и на фермах вокруг Парижа.

Инструкции предписывали задерживать злодеев без шума, на некотором расстоянии от церквей и предпочтительно в последний час дня, перед наступлением ночи, а не в какое-либо другое время. В этих инструкциях говорилось, что они должны знать табачные кабачки, служившие укрытием. Большинство содержателей ночлежек по два су за ночь и хозяев табачных кабачков были прежними полицейскими служителями, которых полиция оплачивала, поддерживала и делала доверенными людьми инспекторов службы безопасности; носильщики факелов, фонари которых были пронумерованы и которые, кроме того, были записаны в полицейских списках, обязаны были непременно отчитываться о своей службе каждую ночь. Под надзором находились также конторы регистрации прислуги и рабочих.

Г. Беррье признал необходимость пользоваться ворами, ускользнувшими из рук правосудия, и принимать их в число наблюдателей, шпионов и полицейских помощников как более пригодных для обнаружения воров в толпе и в театрах, поскольку они лучше знали покупателей и скупщиков краденых вещей; но если полицейские агенты этого рода оказывались виновными в малейшем злоупотреблении своими обязанностями, их тотчас отправляли в Бисетр. Эти агенты страшились такого наказания; ибо приходилось помещать их в карцеры, расположенные в отделениях строгого содержания; прежние товарищи растерзали бы их как предателей и отступников.

Опыт показал, что долгое тюремное заключение и продолжительное содержание под стражей становятся опасным наказанием.

Разряд мошенников и карманников, всегда многочисленный в больших городах, прежде не был столь велик, как теперь; инспекторам службы безопасности удалось сократить его численность; именно благодаря их умению Париж был очищен от тех убийц, действовавших шайками и отрядами, которые до управления г. де Сартин безнаказанно избивали и грабили прохожих. Этот успех в поддержании безопасности столичного города сказался и на больших дорогах.

Раз в неделю происходило собрание под председательством генерал-лейтенанта, на которое неизменно являлись командир городской стражи, два прево и инспекторы кон-

ной полиции, состоявшие в Париже; там докладывали о преступлениях и проступках, совершённых в пределах Парижа, и обсуждали новые средства обеспечения безопасности; инспекторы службы безопасности, как и все подразделения конной полиции Франции, получали тогда возможность задерживать виновных, которые обыкновенно покидают Париж тотчас после совершения преступления, чтобы возвратиться туда лишь тогда, когда, по их предположению, оно уже забыто. Если в результате такого разбора лишь немногим из них удавалось ускользнуть, инспекторам службы безопасности выдавалось денежное вознаграждение.

Это учреждение побуждало инспекторов проявлять особую бдительность в отношении неизвестных лиц и людей без определённого состояния и профессии, находившихся в Париже. Они имели возможность поручать следить за такими людьми служителям, не известным простонародью, либо пользоваться связями среди мелкого люда — старьёвщиков, лавочников, мелочных торговцев, оседлых или бродячих; получая небольшое жалованье, но находясь под некоторым покровительством, эти люди помогали обнаруживать воров и лиц, ранее осуждённых судом.

Людей, обвинённых в тяжких преступлениях и признанных преступниками, но не осуждённых за недостатком законных доказательств, в порядке административно-полицейской меры либо отправляли в Бисетр, либо высылали в места, расположенные на некотором расстоянии от Парижа,

под надзор офицера конной полиции, обязанного ежемесячно отчитываться перед парижским магистратом об их поведении.

Согласно общим инструкциям, младшие инспекторы, которым поручалось наблюдать за уборкой улиц и их ночным освещением, были обязаны под угрозой увольнения сообщать сведения комиссару или инспектору службы безопасности своего квартала: такая же обязанность возлагалась на всех лиц, чьё занятие зависело от полиции.

Публичные приёмы в полиции сделались в некоторых отношениях средством обеспечения безопасности и быстрого разрешения большого числа дел.

На должности, где множество подробностей и донесений может поступать только через низших служащих, занимающий её начальник более всякого другого администратора подвержен опасности быть обманутым, если сам не знает общественного настроения; он может уловить его, внимательно прислушиваясь на публичных и частных приёмах к речам людей всякого звания и состояния и различая их образ мыслей, характер и род их просьб и нужд.

О публичных приёмах в полиции

На эти приёмы любопытство и праздность привлекали немало людей. Они утомляли магистрата и поглощали время, которое он иной раз мог бы употребить лучше; однако они приносили ощутимую пользу полицейскому управлению и общественной службе.

Дидро, энциклопедист, посещавший эти приёмы, чтобы наблюдать нравы, находил там книгу в тысячу раз любопытнее всех книг — человеческое сердце, страницы которого он перелистывал с жадностью; парижский хаос отражался там в миниатюре. Сводни из подозрительных домов, щеголявшие монашеской тучностью, являлись с горькими жалобами на недовольного шпиона, которому не отвели достаточно щедрой доли первых доходов от новых воспитанниц этого заведения и который отомстил за это разоблачениями. Непринуждённость этих плутовок не исчезала от призыва к порядку; они были простодушны и говорили языком своего ремесла. Молоденькие работницы, вкусившие свободы, жаловались на отца-грубияна, который терпел ухажёров, пока ему давали выпить, и делался до ужаса нравственным, едва протрезвев; они предлагали представить тому доказательства. Освистанным актрисам, будущим Госсен, мерещились ужасные заговоры, которые, как они объявляли напыщенными словами, мешали им нравиться публике. Мужья, достойные быть поставленными в пример, приходили, обливаясь слезами, справляться о своих исчезнувших жёнах, которым они, по их словам, простили бы всё, будь любовники не столь исключительны в своих притязаниях; любовники, право же, были им этим обязаны. Другие просили разрешения посадить в тюрьму своих драгоценных супругов, которые давали им пощёчины на улице, встречая их с соперницами. Заплаканная горожанка, вдовевшая уже шесть недель,

доносила на неблагодарного любовника, исчезнувшего из их почти супружеского жилища вместе с молоденькой служанкой и всем столовым серебром; она желала вернуть своё серебро. Глупцы умоляли магистрата расторгнуть их брачный договор по причине некоторого несоответствия ожиданиям, обнаруженного слишком поздно. Бывшие воры, оставившие своё ремесло, требовали запретить кому бы то ни было попрекать их прошлым и просили свидетельств о восстановлении доброго имени, ибо власть была обязана оказать им эту справедливость, иначе справедливости больше не существовало. Матери трогательно требовали возвращения своих негодных сыновей, которых завлекли в игорные притоны играть на деньги, им не принадлежавшие. И эти пёстрые, бурные, непристойные, шутовские, чрезмерно многословные сцены, неизменно оживляемые пылкой речью страсти, обнажали язвы общества, народное великодушие, невероятные уловки или редкую тонкость ума под грубой и неотёсанной оболочкой. Дерзость некоторых избранников мнимо хорошего общества, внезапно попадавших в среду этой обидчивой и гордой черни, вызывала необыкновенные столкновения и драгоценные словесные отпоры между противниками всех сословий, из которых одни были надушены и презрительны, а другие вооружены мотыгой и киркой, одеты в традиционный костюм уличных подметальщиков или несли лоток, нагруженный свежей рыбой; иной раз начиналась перебранка, и восстановить порядок без тумачков было нелегко.

Это был настоящий нескончаемый карнавал.

Господин де Сартин, передавая полицейское управление господину Ленуару, предупредил его, что от каждого человека, которому позволялось пожаловаться и поговорить с ним наедине, он получал полезные сведения, которые, быть может, не достигли бы его другим путём.

Полицейские агенты боялись жалоб, которые так легко можно было приносить на их нерадивость, злоупотребления и должностные проступки; эти жалобы служили проверкой их донесений. Страх быть уличёнными во лжи удерживал их от излишней смелости.

Генерал-лейтенанта полиции при проведении этих публичных приёмов никогда не замещали ни частный лейтенант, его помощник, ни главный секретарь.

Вскоре эти приёмы начали посещать люди высокого ранга и достоинства, что вызывало ропот простолюдинов, вынужденных ждать. Господа де Сартин и Ленуар учредили отдельный приём для авторов, книгопродавцев и типографов, чтобы на него могли приходить сословия, стоявшие выше простого народа, и не отнимать времени, которое должно было преимущественно посвящаться толпе.

В течение двух часов после приёмов на полях прошений составляли выписки об их содержании и в тот же день пересылали их инспектору или полицейскому комиссару соответствующего квартала. Там путём примирения разрешались споры, которые в противном случае превратились бы в

судебные тяжбы, бесконечную вражду и даже причины беспорядков. Несчастные, не имевшие средств, находили облегчение своего положения; благодаря этому инспекторам полиции удавалось завоевать доверие жителей своего квартала — преимущество, которого нынешние мировые судьи достигают лишь в слабой степени.

Назначались также отдельные приёмы по заранее поданным и объявленным просьбам, считавшиеся полезными для некоторых дел, требовавших тайны или скрытого содействия власти магистрата.

На этих публичных приёмах полицейского лейтенанта всегда сопровождали секретарь и полицейский инспектор. Нередко изложение какого-нибудь дела во время приёма требовало немедленно принять административную меру, подлежащую исполнению на месте. Злоупотребления всегда будут лучше пресекаться полицией, строго сосредоточенной в одном лице её начальника, нежели любыми другими средствами (1).

(1) Легко заметить, что это неизменная забота господина Лемуара. Она сводится к требованию французской короны для префекта полиции. Ж. ПЁШЕ.

Об освещении улиц Парижа и его предместий

В 1789 году на одном из заседаний Учредительного собрания был расторгнут договор, заключённый управляющим полицией, под тем предлогом, что договор этот был составлен и подписан за восемнадцать месяцев до истечения дей-

ствовавшего договора. Напрасно подрядчики пытались разъяснить собранию, что предприятие подобного рода требовало заранее обеспечить себя значительными запасами и складами. Подряд был выставлен на торги с понижением цены. Соперники, объявившие, что возьмутся исполнить работы дешевле, отступили. Пришлось снова обратиться к господину Согрену и его товарищам; последние потребовали цену выше той, которая значилась в расторгнутом договоре. Это было всего лишь возмещением понесённого ими убытка.

Несомненно, впоследствии, хотя и слишком поздно, признали, что договор, заключённый полицией на условиях более выгодных, чем прежний подряд (приблизительно на одну экю дешевле за каждый фонарный рожок), не был следствием покровительства или тайного сговора.

Условия, которые обе стороны оговаривают при учреждении предприятий такого рода, касаются прежде всего некоторых случайных обстоятельств. Лунные ночи, принимаемые во внимание всяким, кто берётся за такой подряд, подсчитывают приблизительно по календарю и вычитают — или почти вычитают — из общей суммы, отпущенной на повсеместное освещение: что нелепо; однако подрядчики чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы присвоить это уменьшение обязанностей как прибыль, ибо иначе они терпели бы убыток. Эта мелочная экономия неизбежна. Мелкие подношения, взятки, тайные и обременительные условия всегда будут сопровождать такие подряды, даже если придать

им всю гласность, какую только можно. Продажность чиновничества известна. Её будут предполагать, и одного такого предположения довольно, чтобы пробудить желание ею воспользоваться.

Невозможность избежать подобных обвинений заключена здесь в самой природе вещей, и щепетильность не может устоять перед сомнением, которое нет надежды опровергнуть. К тому же даже самая малая экономия, распространённая на широкое дело, с течением времени даёт весьма значительную сумму, и воображение заинтересованных лиц работает в этом направлении; их изобретательность каждый день упражняется в поисках новых прибылей, а публика, изумлённая тем, что платит деньги за возможность сломать себе шею, поскольку одно облако способно посмеяться над административной предусмотрительностью, всегда будет говорить, как говорила и прежде, что некоторым любимцам выплачивают пенсии из лунного света.

Прежние бульвары до 1780 года ночью не освещались; городское управление постановило установить там, как и на парижских улицах, фонари с отражателями. Полагали, что от другого подрядчика удастся получить договор повыгоднее и особенно лучшую службу. Заблуждение продолжалось недолго; пришлось обратиться к господину Сангрену и согласиться на прежние условия.

Соображения относительно нищенства

Во все времена нищенство было одним из великих бед-

ствий Европы, и число нищих, о котором почти невозможно составить верное и точное представление, покажется настолько значительным всякому, кто задумается над причинами, умножающими их по мере того, как их пытаются искоренять, что он отчаётся иссушить самые источники этого зла. Войны, пожары, голодные годы, упадок земледелия и промышленности в некоторых областях, где население непрерывно увеличивается и будет увеличиваться и впредь, потому что кабак и любовь остаются единственными развлечениями несчастных; эти и другие причины возложили на управление больших государств бремя, с которым оно не может справиться. В некоторых германских княжествах запрещали браки между бедняками; однако те и без того обходились без официальных церемоний, и этот напрасный запрет не смог ограничить размножения; напротив, в последнее время нищенство в Европе усилилось вследствие остроумных научных открытий, способствующих экономии на мануфактурах. Некоторые ремёсла сразу были уничтожены использованием водных потоков, машин, приводимых в движение лошадьми, и других средств, позволявших обходиться без человеческих рук, и многие из этих ремёсел дали новые пополнения бродяжничеству и нищенству.

Подёнщики, которые в промежутке от посева до жатвы обыкновенно скитаются из одной страны в другую, бельгийцы, бургундцы, лимузенцы, выходцы из Верхней Фландрии, савойцы, люди, почти ничего не умеющие, кроме как вести

плуг, косить и вязать хворост; жители, вынужденные покинуть родную землю ради поисков счастья в иных местах; бесчисленные вдовы с малолетними детьми; тысячи детей, лишившихся отца и матери или брошенных родителями, не имеющими средств их прокормить; слепцы, особенно многочисленные в горных странах, где суровый климат и снега делают болезни глаз столь частыми; люди, искалеченные на тысячу ладов промышленным трудом, работами в рудниках, собственной рукой или из отвращения к труду; увольнения солдат по всей Европе после военных бедствий; политические изгнанники; те, чьё имущество исчезло потому, что их земля сделалась полем великих сражений; огромный перечень, составить который было бы весьма трудно и весьма интересно, непрестанно и со всех сторон поставляет целые легионы людей без работы и средств к существованию, всегда в двух шагах от грабежа, убийства и воровства. Нищенство кажется переходом от трудящихся сословий к преступным; и поскольку различные страны непрерывно пересылают этих людей одна другой посредством всё более стеснительных полицейских мер, нетрудно предвидеть время, когда, если организация законов о нищенстве не приобретёт общеевропейского характера, останется выбор между тем, чтобы без меры поощрять этих людей или без жалости их истреблять. Англия, географическое положение которой ограждает её от всяких сношений с бродягами континента, тем не менее отягощена выплатами в пользу своих бедных. Быть мо-

жет, единственные два средства одолеть это бедствие заключаются в системе колонизации и принудительном расселении нищих по территории их родных общин, с возложением на общину обязанности наблюдать за ними посредством строгих правил; впрочем, существуют общины, которые сами содержатся за счёт всей страны...

Чем обширнее владение, тем труднее обеспечить повсюду надлежащее исполнение одинаковых общих мер; необходимо до мелочей приспособлять различные способы их осуществления к местным обстоятельствам.

В силу приговоров превотского суда, вынесенных в Монтаржи в годы, предшествовавшие 1789-му, значительное число нищих было осуждено к колесованию за нападения, кражи, убийства и поджоги. Таким образом были уничтожены их шайки (1); следствие по этому долгому делу и показания осуждённых на смерть обнаружили, что эти разбойники были всего лишь нищими, объединившимися для совершения преступлений, и что их сообщества распространялись по разным провинциям Франции; большинство этих злодеев было задержано в Париже, где обыкновенно укрываются беглецы из других мест.

(1) Я слышал в 1789 году, когда покидал Францию, будто Орлеан-Эгалите выпустил из тюрем Монтаржи, прежде входившего в его удельные владения, оставшихся там нищих-разбойников, чтобы привлечь их в Париж (1).

(1) Эта заметка господина Лемуара — сущая нелепица, ко-

торию я счёл необходимым сохранить как свидетельство его предрассудков. Под конец жизни и сам он склонялся к тому, чтобы считать это утверждение вымышленным. Когда ловкие люди берутся распространять подобные глупости, стоит ли удивляться небылицам, которые рассказывают дураки, и тому, какой отклик эти нелепости находят в толпе? Ж. ПЁШЕ.

Франция ныне разделена на департаменты; это деление и дальнейшие подразделения стёрли прежние провинциальные границы и умножили связи, распространив повсюду одни и те же законы. Устройство департаментов породило проекты обуздания бедствия, которое распространяется за недостатком действенных мер пресечения.

Во все времена, и особенно в Париже, на улицах подбирали людей, словно поражённых ударом молнии. Их тела отвозили в больницу, и вскрытие, всегда производившееся втайне, устанавливало, что они умерли от голода. Эти люди не были нищими; но они заставляют неверующих представить себе возможность умереть от голода среди населения в восемьсот тысяч душ. Частые самоубийства свидетельствовали о неведомой нужде, с которой гордость предпочитает смириться, лишь бы не просить милостыню. Возбуждать зависть, а не жалость — вот правило народа. Даже закоренелые воры смотрят на нищих с презрением; но управление ничего не может узнать об этих скрытых язвах.

В 1785 году господин де Мальзерб, ехавший в карете с

госпожой де Сталь, едва не задавил на Вандомской площади несчастного, который не успел посторониться и был отброшен на землю ударом лошадей; когда его подняли, ноги под ним подгибались, а бледность, дрожь и лихорадочное дыхание заставили кучера воскликнуть, что человек этот, несомненно, умирает от истощения. Умиравший, выпрямившись с гневом, оттолкнул кучера и возбуждённо ответил, что только что вышел из кабака. Он даже попытался выставить испуг этого слуги на посмешище; но, пройдя три шага, споткнулся о камень и снова упал; пока он лежал без чувств, у него в кармане нашли требование об оплате кормилице, в котором был указан его адрес. Господин де Мальзерб пожелал отправиться вслед за ним. В мансарде на Сите несчастного ожидала обнажённая женщина, окружённая тремя существами, утратившими человеческий облик; все они поднялись, словно призраки, прося хлеба. Отец и дети не ели уже три дня. Когда им подали милостыню, они заговорили бессвязно и горько заплакали, настолько их гордость была унижена. Они отвергали предложения помощи и говорили, что покончат с собой. Отец признался, что утром вышел из дому с намерением совершить кражу; но двадцать раз ему не хватило решимости: впрочем, это был человек энергичный, и жалость казалась ему оскорблением. Эта встреча принесла ему счастье; ему дали несложную работу.

Господин де Мальзерб, однажды наткнувшись на эту жилу, пожелал исследовать её дальше. Он побывал у множества

людей по соседству и в предместьях. Он говорил тогда, что страна не знает собственной нищеты. Немало мелких проступков совершалось и в те времена, и правонарушители, которых приводили к комиссарам кварталов, признавались, что нарочно добились заключения в карцер, чтобы поесть супа. В голодные годы заключение в тюрьму обыкновенно становится способом существования для множества людей, которые таким путём добиваются права на тюремный паёк, а нужда заставляет идти на всё. Строгость правил оказывается бессильной, едва народ вмешивается в дело, потому что он сочувствует этим несчастьям, которые чаще всего являются его собственными. Следовательно, у законодательства бывают минуты молчания, и оно не всегда может взять верх. Даже в тюрьме не всегда возможно дать работу людям такого рода, которые знают только некоторые ремёсла и притом знают их весьма плохо, поскольку обучение ремёслам предоставлено произволу хозяев и горожан, которым всегда выгоднее извлекать прибыль из неоплачиваемых учеников, чем из рабочих, которым приходится платить. Таким образом люди превращаются в негодные машины, особенно в тех ремёслах, где наёмных работников можно заменить более быстрыми изобретениями и приёмами.

И законодательство, и управление всегда различали бедняков и нищих, трудоспособных и нетрудоспособных, нуждающихся без помощи и работы и тех, кто привык просить милостыню и сделал из этого своего рода занятие; но нищен-

ство не могло быть причислено к профессиям, и установленное правилами различие никогда не соблюдалось надлежащим образом. Неизменно происходило смешение добрых и дурных бедняков; последние отбирают часть подаваний, которые должны были бы предназначаться исключительно подлинному несчастью.

Однажды позвали повивальную бабу из предместья Сен-Антуан. Дело было зимой. Она застала жену человека, который пришёл за ней, в родовых муках, на полу жалкой мансарды. Гнилая солома, дырявое одеяло и несколько убогих кухонных принадлежностей составляли всю обстановку этого несчастного жилища. Сердце повивальной бабки облилось кровью; она велела дочери как можно скорее принести складную кровать и тощий матрас, затем бельё, дрова и немного бульона. По кварталу собрали также пожертвования. Когда закончились обычные посещения, которые она исправно совершала не столько по привычке, сколько по доброте сердца, муж спросил, сколько он должен.

— Боже мой! Добрые люди, сколько пожелаете, — сказала она.

Эта самоуверенная манера удивила её. Из-за горшка с маслом грубиян достал старый чулок, полный золотых и серебряных монет, и, высыпая их на кровать, заставил монеты зазвенеть.

— И вы позволяли своей жене нуждаться во всём! — с гневом сказала повивальная бабка.

— Ах! — отвечал он, — ведь это чтобы купить нам собственность у себя на родине!..

Этот человек просил милостыню на бульварах.

Другой, покрытый язвами, которые он по желанию мог уничтожать при помощи известных ему способов, ежегодно отправлялся в небольшой повозке во Франш-Конте собирать собственный виноград. Таким путём он скопил состояние, приносившее добрых четыре тысячи ливров годового дохода. В покровителях у него недостатка не было, потому что он отдавал часть своей прибыли низшим полицейским служителям, которые ему благоприиятствовали. Он носил при себе все необходимые оправдательные бумаги, подтверждавшие его право на общественную жалость.

Во все времена существовали также нищие, которые, накапливая выпрошенные ими таким образом подаяния, препятствуют их обращению и надлежащему применению. Каждый год в Париже называли немало таких людей, после смерти которых обнаруживались сокровища. Надо полагать, что они существуют и теперь. Хотя нищие этого рода не столь опасны, как бродяги, они вредят настоящим нуждающимся и делают сострадание более осмотрительным.

Каждый год значительная сумма, обыкновенно мелкой монетой, изымается из обращения и лежит без движения в тайниках, вместо того чтобы питать промышленность и труд. Умножьте эту сумму на предполагаемое число нищих, и итог вас устрасит. Обладатели этих обманом добытых подаяний,

тайные богачи, евреи нового рода, тем не менее прозябают в недостойной грязи, постоянно до такой степени враждебные самим себе, что отказывают себе во всём, создавая слезами и мольбами средства на будущее, которыми никогда не воспользуются, ибо с возрастом их скупость лишь возрастает. Весь Париж помнит историю торговца старой мебелью с моста Сен-Мишель, который в конце довольно суровой зимы, оставшись без дров, решил разломать на топливо старый предмет мебели, купленный после смерти одной беднячки, просившей милостыню на ступенях церкви Сен-Рок и найденной в своей комнате умершей от холода и истощения: в этой трагической смерти была, право, её собственная вина. Ножки старого стола были выдолблены ею по всей длине и содержали свёртки золотых монет, на которые, едва разнёсся слух о находке, предъявил права молодой пикардиец, племянник покойной, работавший посыльным на углу улицы Сентонж. Честный торговец отдал ему всё; общая сумма достигала восьмисот луидоров. Можно предположить, что при множестве сходных обстоятельств подобные клады оставались неоткрытыми. Скупость большинства этих хранителей милостыни доводит их до нищеты большей, чем можно вообразить; они не доверяют самим себе и отказывают себе даже в куске хлеба.

Умственное истощение, в которое они впадают вследствие таких лишений, привело немало их в больницу, где они умирали с криками, что их хотят обокрасть, но так и не

указав тайников, в которых скрывали свои сбережения. После расследования тщетно производили обыски. В 1789 году называли двух или трёх таких людей, хорошо известных полиции, которые ссужали деньги под огромные проценты на недельный срок и ради взыскания нескольких лиаров не боялись вызывать в суд подлинных бедняков. Их сокровищ так никогда и не нашли. Однако крайности сходятся; роскошь нищих при некоторых обстоятельствах граничит с расточительством, и, чтобы показать эту роскошь, мы приведём донесение господина Венсана, полицейского агента, об обеде, который начальство братства столичных нищих устроило в 1786 году у виноторговца на улице Сен-Жак.

«Я отправился к господину Друэ, содержателю кабачка близ Эстрапады. Ещё с утра он велел убрать перегородки в зале нижнего этажа, решётчатые окна которого выходят на ограду владений женевиевцев. Там был поставлен широкий, подковообразный стол, сбитый из досок и закреплённый на прочных козлах, уже накрытый почти на двести персон. Господин Друэ, которого я знаю давно, согласился удовлетворить моё любопытство и выдал меня перед распорядителями пира за одного из своих племянников; в этом качестве мне пришлось взяться за вспомогательные хлопоты по обслуживанию, чтобы мой мнимый дядюшка мог свободно заниматься кухней, где в густом дыму суетились десять помощников, приглашённых ради этой необычной работы.

«Женщина, сдававшая напрокат стулья в общественном

саду, доставила двести табуретов, а в складах бродячих театров отыскивали всё необходимое, чтобы обить стены этого подвала, ветхость которого исчезла под пёстрой смесью разнообразных декораций; деревянные стойки кое-где изображали канделябры и, словно множество рук, держали целые ряды свечей, которые господа распорядители чрезвычайно ловко снимали от нагара пальцами. Несмотря на храмы и водопады театральных декораций, испачканных жиром, ничто ещё не предвещало роскоши, которую мне обещали показать. По правде сказать, господа парижские нищие не падки на такие безделушки и куда лучше понимают великолепие желудка, нежели мишуру украшений. Вина терпеливо пробовали одно за другим; и, несмотря на мою самоуверенность знатока и хитрость моего дорогого дядюшки, придиравшегося к качеству и выдержке, мне пришлось признать превосходство этих именитых гурманов, которые рассуждали, словно собрание королей, о виноградниках разных краёв и о приёмах, которыми отдельные производители и торговцы подделывают свои товары; подозрительные бутылки были отставлены и заменены другими; их, пожалуй, можно будет продать горожанам. Именно среди таких тонких дегустаторов следовало бы выбирать надзирателей за кабатчиками. Одобрённые вина уложили пирамидой в углу и более не выпускали из виду. Столы нагрозили лакомствами; одно изобилие закусок возбудило у меня аппетит: сардины, анчоусы, оливки, тысяча сезонных изысков; горячие паштеты из дичи, распростра-

нявшие восхитительный аромат; каплуны из Бресса, бараньи окорока с лёгким запахом чеснока, от одного воспоминания о котором слюнки текут; целые крепости отбивных котлет без костей, посыпанных тонкими сухарями; несколько кабаньих голов в желе, зубчатом, словно крепостная стена; салатницы, полные нарезанных ломтиками португальских апельсинов, плававших в водке; словом, целый набор десертов, как на торжественных обедах в Ратуше по случаю выборов эшевенов, одновременно заполнял этот стол, тогда как места размечали с заботливостью, какой не всегда встретишь в лучших парижских домах. Удивительный порядок проявлялся в распределении всей этой смеси.

«Друэ дал мне понять, что присутствовать на пиршестве имеют право только избранные и что именно поэтому всё должно быть подано сразу; я понял, что мне придётся убратъся. Предосторожности, принятые против проникновения посторонних среди гостей, были чрезвычайными и заключались в известных паролях, на которые надлежало отвечать другими словами, следовавшими одно за другим, как порядковые номера. На отдельный стол, поставленный в середине подковы, образованной гостевым столом, когда прибыла большая часть собрания, установили супницы, тщательно укутанные, чтобы из них не уходило тепло. Мне так и не удалось угадать, что содержалось в этих благословенных супницах. Но по сладострастным гримасам, раздувшим все эти разбойничьи лица, по их глазам, сверкавшим, словно кар-

бункулы, я понял, что кабатчиком были довольны. Четыре молочных поросёнка, брюшки которых были зашиты, по-видимому, также должны были скрывать внутри гастрономические чудеса. Между тем приглашённые прибывали один за другим, собирались группами, поздравляли друг друга, проявляли друг к другу участие; некоторые приехали в наёмных экипажах. Я узнал среди них распутниц, которые обычно сидят у дверей церквей, теперь наряженных, причёсанных и отмытых ради этого дня, тогда как в любое другое время их, несомненно, не захотелось бы коснуться и щипцами. Надо было увидеть это превращение, чтобы поверить в него; калек было очень много; у богатых буржуа с улицы Ломбардов не встретишь большей учтивости в обращении. Характерной чертой большинства этих физиономий был проныцательный и насмешливый взгляд. Несколько слепцов привели их мнимые дочери, скелеты, привязанные к судьбе этих добрых людей ради выгоды их ремесла, на которых студент-медик мог бы изучать остеологию, даже не прибегая к вскрытию. Впрочем, должно быть, таково их природное сложение, ибо, когда понадобилось подвинуть один из длинных столов, чтобы освободить проход между табуретами и стенами, четыре из этих мумий, суставы которых, казалось, должны были разойтись при малейшем толчке, подняли тяжёлую громадину с проворством, которого от них никто бы не ожидал. Несколько нищих-кавалеров принесли цветы, которые вскоре оказались приколотыми к корсажам этих дам и резко

не вязались с их увядшими и суровыми лицами; благодарная улыбка этих женщин заставила бы бежать самого дьявола и лишила меня аппетита. Драже и конфеты, ароматные пастилки, ликёры для возбуждения аппетита переходили из рук в руки по выбору гостей; и, едва две кларнеты подали сигнал, поскольку эти молодцы ели под музыку, распорядители выгнали меня вместе с остальной прислугой.

«Двери тщательно заперли; господин Друэ, с которым я возобновил более обстоятельное знакомство, распробовав некоторые бутылки, напрасно объявленные подозрительными, но вполне пригодные к употреблению, сообщил мне, что каждый участник платил за себя по шесть ливров, не считая ликёров и кофе. Главные парижские нищие, высший класс попрошайек, известные как самые важные среди них и покровительствуемые набожными дамами из окружения господина парижского архиепископа, чьими посредниками и шпионами они служат, устраивают подобные торжества четыре раза в год, редко дважды подряд в одном и том же месте; предварительно они неизменно посылают распорядителей, которым поручено торговаться о цене. При всей своей тонкости они и тогда ещё позволяют себя провести. Вероятно, на этих трапезах обсуждаются важнейшие интересы ремесла, соглашения о том, чтобы силой или по доброй воле не допускать на известные места просителей, не принадлежащих к братству. Они владеют искусством сокрушить ложного брата и изгнать его. Мне предстоит встретиться с одним из распоря-

дителей, и если такова будет воля господина генерал-лейтенанта полиции, я надеюсь, в качестве флейтиста, удостоиться чести лично присутствовать на одной из следующих вакханалий».

Среди многочисленных уловок профессионального нищенства, которыми обманывают сострадание прохожих и которые большей частью с часто преувеличенным жаром описаны в «Гусмане де Альфараче» Лесажа, нельзя забывать одного случая, о котором этот автор, несомненно, знал, но который, быть может, не пожелал привести, боясь отступить от своей обычной склонности к комическим рассказам. Молодые супруги, мастерские по изготовлению вееров, жили на улице Бобур и справедливо гордились своей прелестной четырёхлетней дочкой, кумиром, игрушкой, чудом и любимицей всего квартала. Эту хорошенькую девочку звали маленькой блондинкой. Проворная, смешливая, шаловливая, она славилась своими проделками; её румяные щёчки зацеловывали; все наперебой любили дарить ей подарки, и благодаря этому её родители пользовались успехом в своём ремесле. Впрочем, это была добрая и достойная семья. Когда после праздничного костра, устроенного городом на набережной Грев, отец и мать, которым доставило удовольствие показать дочери великолепие празднества, уходили домой, их внезапно захлестнула толпа на плохо освещённой улице. Насильственно разлучённые друг с другом во время возникшей тревоги, они бросились в сторону от людского потока. Раз-

давались крики и вопли, летели петарды. Мать видела, как муж подхватил ребёнка; отец видел, как жена взяла их дочь; однако оба тревожились.

Когда поток негодяев, только что внёсших такое смятение в толпу горожан, схлынул, супруги бросились навстречу друг другу. Судите об их отчаянии: обоих обманула одна и та же ошибка; маленькую блондинку только что похитили. Оба, ломая руки и осыпая друг друга упрёками среди собравшегося народа, метались из стороны в сторону, изводили себя обращениями к властям, собирали сведения, исполняли работу двадцати полицейских агентов; их видели повсюду; у них была одна мысль, они ничего не искали, ни к чему не прислушивались, ничего не желали, кроме своей дочери: они отчаивались, бились в судорогах, не представляли себе, как смогут пережить это несчастье. Генерал-лейтенант полиции сурово порицал их за неосторожность — привели ребёнка на публичный праздник; это всё равно что сказать, будто генерал-лейтенанты полиции не должны никогда допускать публичных праздников или должны уметь лучше устраивать их, чему они ещё долго не научатся. Со всех сторон посыпались настойчивые просьбы жителей улицы Бобур; каждый внёс свою лепту. Инспектору, который найдёт ребёнка, обещали огромное вознаграждение. Усердие возбуждали всеми возможными средствами, и происшествие сделалось всеобщим предметом разговоров. Однако прошли шесть недель, затем шесть месяцев, а получить хотя бы самое ничтожное указа-

ние так и не удалось.

Если общественное внимание, которое отвлекает любой пустяк, продолжало удерживаться на этом событии, то потому, что отец после жестоких упрёков жены в припадке исступления сам перерезал себе горло бритвой. Его спасли от этого приступа безумия; но за короткое время несчастная мать угасла и вскоре стала лишь тенью самой себя. Вследствие некоторых указаний на похищение, в котором обвиняли богатых развратников из хороших домов, и поскольку незадолго до того нашли тела двух малолетних детей, подвергнутых чудовищному насилию и брошенных около восьми дней назад на одной из свалок выше монастыря Минимов, отец однажды вынужден был присутствовать при вскрытии этих печальных жертв самой непристойной жестокости. Поскольку установить их личность было нелегко, все остались в неизвестности. По этой причине изготовитель верев провёл часть ночи среди врачей. Волнение, ужас зрелища, отвращение вызвали у него сильную горячку. Тревожные признаки заставили думать, что он сойдёт с ума. Его окружили заботами и не решались, не зная как, известить жену. Она же около пяти часов утра, не дождавшись его после целой бессонной ночи, вспомнила, что накануне муж был озабочен ещё сильнее обычного, и на основании этого бросилась его искать.

Соседи сопровождали её вопреки её мольбам: боялись какого-нибудь отчаянного поступка, тем более что она всё

сильнее приходила в исступление. Чудом было уже то, что она могла идти сама. На улице Клуатр-Сен-Медерик, на том самом месте, где похитили ребёнка, это возбуждение прошло. Силы оставили её; она опустилась на мостовую и двадцать раз целовала камни, потому что, как она говорила, их освятили ножки её дочери. Она призывала смерть, молила Бога, видела свою дочь среди ангелов. Это было зрелище, способное разорвать сердце; огородники из Вильнёв-Сен-Жоржа и торговки с рынка, направлявшиеся в этот час к рынку Невинных, забыв обо всём вокруг неё и не осмеливаясь её утешать, рыдали навзрыд рядом с женщиной, которая в своём душераздирающем многословии с сердечным чувством рассказывала им о прелестных шалостях, словечках и повадках своей милой девочки.

В мыслях матери всё становится предметом воспоминаний, и никто лучше неё не мог бы составить описание примет с такой силой. Особый оттенок волос её малышки и их пышные завитки, коричневое пятнышко под правым глазом; тонкие и прозрачные ногти, словно на настоящей руке маркизы, ибо о них заботились чрезвычайно тщательно; ямочка на подбородке, очерченная словно треугольник; особая складка губ, когда своевольное дитя кокетливо злоупотребляло своей властью над теми, кто его любил, то есть над всеми, — она перечисляла и изображала каждую черту, движения, голос и даже приступы гнева; её слушали, и всем казалось, будто они видят ребёнка. Каждый плакал и не решался остано-

вить это горе. Наконец пришли известить её о возвращении мужа. Два грузчика с рынка взялись отвести мать домой и, чтобы придать ей спокойствия, поклялись ей в присутствии нескольких своих товарищей, растроганных не меньше их самих, испросить маленькую блондинку у Бога и его святых и с этой минуты посвятить себя поискам; привлечь к ним друзей и, если потребуется, затратить свой труд, свои связи и деньги. Затем, увлечённые этим порывом, они договорились заказать мессу, которая около десяти часов действительно была отслужена в церкви Сен-Эташ. У народа бывают суеверия, порождённые сердечным чувством, и он счёл бы святотатством не прислушаться к ним, когда они обращаются к нему. Эта месса приобретала характер священного обязательства; она была подтверждением торжественной клятвы. Все присутствовали на ней, кроме того, кто первым привёл всё в движение; это обстоятельство заставило судачить о том, как быстро угас его первоначальный пыл после столь громких проявлений.

Этот человек, менее виновный, чем полагали, должен был выполнить важное поручение неподалёку от Люксембургского дворца и не рассчитывал на проклятую задержку, которая привела его в отчаяние. Он подсчитывал оставшееся время и думал, хотя и ошибался, что успеет вернуться к сроку. Запыхавшись от бега, проходя по Новому мосту, он услышал, как часы на Самаритен отбили час. Было слишком поздно. Человеку пришло на ум, что это принесёт ему несча-

стье. На ступенях у часов сидела на соломе нищенка, читала молитвы и держала ребёнка, завёрнутого в грязное одеяло и плакавшего судорожными рыданиями. Под влиянием суеверного страха рыночный грузчик пробормотал молитву и бросил нищенке деньги, с участием взглянув на дитя, напомнимшее ему другое. Какой-то грязный лоскут закрывал оба глаза малышки. Пятнышко под глазом, оставшимся открытым для взгляда, складка рта, которую описывала мать, — наш человек подумал, что видит эти приметы, и действительно увидел их. Но под лохмотьями, под смуглой, загорелой от нищеты кожей, не различая из-за шерстяной повязки прекрасных волос, образ которых неотступно стоял перед ним, он усомнился в непреодолимом наваждении, которое влекло его помимо воли, сделал несколько шагов со стыдом, возвратился, заколебался и, быть может, отошёл бы совсем, если бы эти противоречивые движения, по-видимому, не встревожили несчастную женщину, которая тотчас пожелала покинуть своё место. Невероятное совершают всего смелее; после кражи наглость лучше всего помогает скрыть её следы.

— Отчего же этот ребёнок так жалуется? — спросил он нищенку.

— От колик из-за нищеты, добрый господин, — сказала она.

— А что у неё с левым глазом? Можно посмотреть?

— Нет! Врач перевязывает его каждый день. Там нарыв,

который всё не созревает.

Любопытные стали подходить ближе; нищенку окончательно охватил страх. Люди поделились подозрениями; расталкивая окружающих её, она попыталась проложить себе дорогу. Рыночный грузчик дрожал, как преступник.

— Зачем вы убегаете? — говорили этой женщине. — Оставайтесь! Никто ничего от вас не хочет, никто ничего не может вам сделать.

Но она упорствовала; тогда он завладел ребёнком, с которого сняли лохмотья. Услышав произнесённое имя «маленькая блондинка», подхваченное другими, дитя, казалось, забыло о своих мучениях и с криками и дрожью стало звать мать.

У собравшихся открылось тогда перед глазами отвратительное зрелище. Когда сорвали шерстяной лоскут, увидели большую половинку ореховой скорлупы, целиком прикрывавшую правый глаз девочки; внутри этой скорлупы, края которой ранили сильно растянутые веки, под перекрещенными нитями паутины находился громадный паук, лапки и жала которого должны были непрерывно впиваться и тем самым причинять ужасное покалывание главному яблоку; воспаление расплзлось по щеке широкими прожилками излившейся крови. Заговорили о том, чтобы растерзать нищенку, бросить её в воду. На неё посыпались удары. Женщины, вне себя, уже не могли сдерживаться. Каждый чувствовал так, словно это случилось с его собственными детьми. Подоспе-

ли французские гвардейцы. Свист, крики и оскорбления сопровождали мерзкую тварь; а под защитой вооружённой силы рыночный грузчик, не пожелавший выпустить маленькую блондинку из рук, понёс её к церкви Сен-Эташ, тогда как другие, узнав о происшедшем несчастье, отправились за её отцом и матерью. По всему Парижу поднялся единодушный крик против нищих, и стали повторять о них старые истории, сохранившиеся в памяти народа, пока новые, вполне достоверные бедствия, сопровождавшиеся трагедиями, неизменно пробуждающими общественное сострадание, не вызвали обратного движения против этого чрезмерного ожесточения.

Сцену встречи отца и матери с дочерью невозможно рассказать; её можно вообразить. Что же до нищенки, её не удалось предать суду, поскольку она умерла в Отель-Дьё от удара ногой в живот, полученного во время свалки. Ребёнок достался ей уже из третьих рук, и она не побоялась остаться в Париже благодаря той лёгкости, с какой это огромное скопление не связанных между собой людей почти всегда позволяет жить бок о бок и по соседству с теми, кто неизменно ищет очень далеко то, что находится у него под рукой. После шести месяцев бесплодных поисков она уже ничего не боялась. Маленькая блондинка потеряла один глаз, но от этого не перестала быть очень хорошенькой девушкой, историю которой старые жители квартала рассказывали мне двадцать раз. В шестнадцать лет она стояла за прилавком крупного

виноторговца на улице Руа-де-Сисиль, где, помнится, я её видел (1).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.